

ЭЛЬ КОСИМАНО

Настоящий
женский
детектив

ФИНЛИ ДОНОВАН
избавляется
ОТ ПРОБЛЕМ

НАПИШИ СЕБЕ АЛИБИ

Напиши себе алиби: детектив в детективе

Эль Косимано

**Финли Донован
избавляется от проблем**

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.111.1-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

Косимано Э.

Финли Донован избавляется от проблем / Э. Косимано —
«Эксмо», 2021 — (Напиши себе алиби: детектив в детективе)

ISBN 978-5-04-166582-1

Финли Донован избавляется от проблем... ...вот только получается у нее просто ужасно. Финли — вечно уставшая мама двух малышек и по совместительству горе-писательница. И эти обе еле-еле сводят концы с концами. Обещанная литературному агенту книга даже не начата, няня уволена бывшем мужем, а дочка отправлена в школу с куском скотча на волосах из-за неприятного инцидента с кухонными ножницами. Когда Финли в красках расписывает новый криминальный сюжет агенту, разговор слышит тот, кто больше всего нуждается... в наемном убийце. Посчитав нули перед знаком доллара, Финли совершенно случайно берется за заказ на проблемного мужа, но быстро понимает, что реальные преступления сильно отличаются от романтического саспенса. Кажется, появилось только больше проблем, от которых нужно избавиться. Закрученный, восхитительно остроумный и искренний, этот роман — настоящий маст-рид для всех, кто когда-либо просыпался с настроением убивать.

УДК 821.111.1-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-166582-1

© Косимано Э., 2021

© Эксмо, 2021

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	20
Глава 5	23
Глава 6	26
Глава 7	28
Глава 8	38
Глава 9	41
Глава 10	47
Глава 11	49
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Эль Косимано
Финли Донован избавляется от проблем

Эшли и Меган,

потому что с вами обеими я бы пошла закапывать труп

Глава 1

Общеизвестно, что большинство мам, какой день ни возьми, к восьми тридцати утра готовы кого-нибудь убить. В тот конкретный день, вторник восьмого октября, я была готова к семи сорока пяти. Представьте, вы запикиваете в подгузник двухгодовалое дитя, обмазавшееся кленовым сиропом, в то время как четырехгодовалое решило сделать себе стрижку (как раз когда надо выдвигаться в садик); одновременно с этим вы пытаетесь выяснить, куда запропастилась ваша няня, при этом вытирая кофейную гущу, убежавшую из переполненного кувшина, ведь вы забыли вложить в кофеварку фильтр, потому что спите на ходу. Так вот, если ничего такого с вами не случилось, давайте я повторю для вас по слогам: я была готова кого-нибудь убить. Все равно кого.

Я опаздывала.

Мой агент уже ехала с Центрального вокзала Нью-Йорка до станции Юнион в Вашингтоне, и там, в ресторанчике, который я не могла себе позволить, у нас с ней был заказан столик. Мы должны были за бранчем обсудить, на сколько я не успеваю к дедлайну сдачи книги, за которую принималась уже трижды и которую, возможно, никогда не закончу, потому что... Господи Иисусе, так уж вышло.

Мой двухэтажный домик в колониальном стиле располагается достаточно близко к городу, чтобы «встречаемся в 10:00» звучало реалистично. С другой стороны, Саут-Райдинг достаточно далек от города, чтобы убедить в общем-то здравомыслящих людей покупать надувные куклы в натуральную величину, благодаря которым можно бесплатно проскользнуть по полосе для машин с пассажирами (и при этом не схлопотать пулю от тех из нас, кто еще не продал душу и не купил себе такую же надувную куклу).

Не поймите меня неправильно. Мне нравилось в Саут-Райдинге. До развода. До того, как я узнала, что мой муж спит с нашим агентом по недвижимости, которая к тому же оказалась членом правления ассоциации домовладельцев. Полагаю, что это не совсем то, что наша риелторша имела в виду, когда описывала эту загородную мекку как место, где «все свои». В брошюре было полно фотографий, где на оригинально оформленных верандах обнимались счастливые семьи. В ней использовались такие слова, как «идиллия» и «покой», потому что невозможно заглянуть в окно на глянцевых страницах рекламного журнала и увидеть там измученную злющую мамочку, или голого липкого малыша, или волосы, и кровь, и кофе на полу.

– Мамочка, сделай что-нибудь с этим! – Делия стояла посреди кухни и теребила намокшие остатки волос там, где поцарапала себя кухонными ножницами для разделки птицы. Тонкая струйка крови бежала по лбу, и я успела размазать ее старым слюнявчиком прежде, чем она попала ей в глаз.

– Я ничего не смогу сделать, детка. Мы отвезем тебя к парикмахеру после садика. – Прижав слюнявчик к выстриженному месту, я подождала, пока кровь не остановилась. Затем, зажав мобильник между ухом и плечом, я заползла под стол и соскрестила с пола упавшие пряди ее волос, считая между тем гудки.

– Я не могу вот так идти в садик! Все будут смеяться надо мной! – Делия заплакала, размазывая по лицу сопли и слезы, пока Закари глазел на нее удивленно со своего обеденного стульчика и заодно крошил вафли себе на голову. – Вот папа сумел бы сделать что-нибудь!

Я стукнулась головой о крышку стола, и младшее дитя тут же зашло воплем. Я встала на ноги, размахивая для равновесия рукой, сжимающей тонкие пряди. Куча отрезанных волосков налипла на мои штаны, измазанные в сиропе. Проглотив ругательство, которое произнеси я его вслух, мое двухгодовалое чадо непременно повторяло бы несколько недель, сидя в продуктовой тележке, я швырнула волосатые ножницы в раковину.

Где-то на сорок седьмом гудке звонок переключился на голосовую почту.

«Привет, Вероника, это Финли. Надеюсь, с тобой все в порядке», – сказала я елевым голосом на случай, если она вдруг погибла в автокатастрофе или сгорела заживо при пожаре. Не хочется быть засранкой, оставляющей сообщение с обещанием убить кого-то за опоздание, а потом узнать, что этот кто-то уже убит. «Мне нужно успеть на встречу в городе, я ждала тебя к семи тридцати. Ты, наверное, забыла?» Жизнерадостная интонация в конце предложения означала, что все в порядке. Что у нас все в порядке. Только это было не так. У меня далеко не все в порядке. «Если ты получишь это сообщение, перезвони мне. Пожалуйста», – добавила я, прежде чем повесить трубку. Потому что дети наблюдали за мной, а мы всегда говорим «спасибо» и «пожалуйста». Отказавшись от всяких надежд на то, что мне удастся разругнуть ситуацию своими силами, я набрала бывшего и снова прижала к уху телефон.

– Ника приедет? – спросила Делия, ковыряя дело рук своих и хмурясь на липкие красные пальцы.

– Не знаю.

Была бы Ника здесь, она усадила бы Делию себе на колени и превратила бы этот кошмар в модный начес. Или спрятала бы выстриженное место под замысловатой французской косичкой. Я была уверена на все сто, что предприми я подобную попытку, все стало бы еще хуже.

– Может, ты позвонишь тете Эми?

– У нас нет тети Эми.

– Нет, есть. Они с Терезой были сестрами, когда учились в университете. Она может сделать что-нибудь с моей прической. Она изучала кометологию.

– Кометологию. И то, что они с Терезой были сестрами по университетскому сообществу, не делает ее твоей тетей Эми.

– Ты звонишь папе?

– Да.

– *Papa* умеет делать всякое разное.

Я криво улыбнулась. Стивен точно умел делать всякое разное. Клеить, например. Девушек. Или ломать что-нибудь. Вроде моей жизни. Но я ничего не сказала. Я крепко держала язык за зубами, ведь детские психологи уверяют, что критиковать бывшего на глазах у детей не очень полезно для их здоровья. И здравый смысл тоже подсказывает, что не стоит этого делать, когда ты хочешь попросить его посидеть с ними и ждешь, что он ответит на твой звонок.

– Он использует котч, – не отставала Делия; она ходила за мной по пятам, пока я сваливала в раковину грязные тарелки и выбрасывала в мусор остатки завтрака и душевного равновесия.

– Скотч. Мы не можем исправить твою прическу с помощью скотча, детка.

– Папа смог бы.

– Подожди, Делия, – остановила я ее, когда бывший наконец взял трубку. – Стивен?

Он казался обеспокоенным еще до того, как произнес «доброе утро».

С другой стороны, я не совсем уверена, что он сказал именно это.

– Можешь меня выручить? Ника сегодня не явилась, а мне нужно в город на встречу с Сильвией, и я уже опаздываю. Я бы забросила Зака к тебе на несколько часов. – Восседающий на обеденном стульчике сын выдал мне сиропную ухмылку. Одновременно с разговором я оттирала влажным слюнявчиком липкое пятно с брюк. Это были мои единственные приличные брюки. Работала я в пижаме. – И еще, его нужно будет искупать.

– Да... – протянул Стивен, – насчет Ники...

Я перестала тереть пятно и выронила слюнявчик в сумку у своих ног. Я знала этот тон. Тем же самым тоном он вывалил на меня новость о том, что они с Терезой помолвлены. Тем же самым тоном он сообщил мне в прошлом месяце, что его ландшафтный бизнес взлетел благо-

даря контактам Терезы, и у них полно денег, и, кстати, он говорил с адвокатом об оформлении совместной опеки.

– Я собирался позвонить тебе вчера, но у нас с Терезой были билеты на игру, и у меня все вылетело из головы.

– Нет. – Я схватилась за столешницу. *Нет, нет, нет.*

– Финн, ты работаешь дома. Заку не нужна няня на полный день.

– Не делай этого, Стивен. – Я потеряла переносицу, стараясь отогнать нарастающую головную боль, а Делия уцепилась за мою штанину и скулила что-то про скотч.

– Так что я уволил ее, – продолжил он. *Ублюдок.* – Я не могу позволить себе содержать тебя...

– Содержать меня? Я мать твоих детей! Это называется алименты!

– Ты задерживаешь выплату за фургон...

– Заплачу сразу, как получу аванс за книгу.

– Финн. – Всякий раз, когда он произносил мое имя, оно звучало будто бранное слово.

– Стивен.

– Возможно, самое время подумать о том, чтобы найти нормальную работу.

– Вроде гидропосева газонов в нашем районе? – съязвила я. – У меня уже *есть* нормальная работа, Стивен.

– Писать второсортные книжки? Это не нормальная работа!

– Я пишу романтический саспенс! И мне уже заплатили половину авансом. У меня контракт! И я не могу просто так все бросить. Иначе мне придется вернуть аванс назад. – И, желая уколоть в ответ, я добавила: – Или ты хочешь вернуть его за меня?

Он что-то проворчал себе под нос, а я опустила на колени, чтобы собрать лужицу кофейной гущи с пола. Я представила его за безукоризненно чистым кухонным столом в ее таунхаусе с безупречным дизайном, как он сидит над чашкой кофе из френч-пресса и выдергивает один за другим остатки своих волос.

– Три месяца. – Терпения у него было столько же, сколько и волос на макушке, но это наблюдение я придержала при себе, потому что няня мне нужна была больше, чем удовлетворение от принижения его хрупкого мужского эго. – Ты три месяца не платила за ипотеку, Финн.

– За аренду. Аренду, которую я плачу *тебе*. Дай мне время, Стивен.

– А ТСЖ собирается наложить арест на дом, если ты не оплатишь счет за обслуживание коммуникаций, который они прислали тебе в июне.

– А ты откуда знаешь? – спросила я, хотя уже знала ответ. Он спал с нашим агентом по недвижимости, а специалист, выдавший нам кредит, – его лучший друг. *Вот* откуда он знал.

– Думаю, дети должны жить со мной и Терезой. Все время.

Я едва не выронила телефон. Бросив бумажные полотенца, я пулей вылетела из кухни и, понизив до предела голос, зашипела в трубку:

– Нет! Категорически! Чтобы мои дети жили с этой женщиной? Ни за что!

– Своими гонорарами ты даже на еду не зарабатываешь!

– Может быть, у меня было бы время закончить книгу, если бы ты не уволил нашу няню!

– Финн, тебе тридцать два...

– Еще нет.

Мне было тридцать один. Стивен просто бесился, что я на три года моложе его.

– Ты не можешь провести всю жизнь, укрывшись в доме, выдумывая сказки. Ты должна что-то делать с реальными счетами и реальными проблемами.

– Козел, – выдохнула я. Потому что правда ранила. А Стивен был самой большой, самой болезненной правдой из всех.

– Послушай, – сказал он, – вообще-то я не козел, я стараюсь тебе помочь. Я попросил Гая подождать до конца года, чтобы дать тебе время подыскать что-нибудь.

Гай. Член-его-братства-превратившийся-в-адвоката-по-разводам. Тот самый Гай, который однажды в университетские времена чересчур увлекся игрой «кто больше выпьет» и блевнул на заднем сиденье моей машины, был теперь адвокатом и играл по субботам в гольф с судьей, и это стоило мне выходных с моими детьми. Вдобавок ко всему, Гай убедил судью отдать половину аванса за мою последнюю книгу Терезе в качестве компенсации за ущерб, нанесенный ее машине.

Ладно, хорошо.

Я признаю, что напиться и запихнуть в выхлопную трубу «БМВ» Терезы баночку «Плей-До», позаимствованную у Делии, возможно, был не лучший способ справиться с новостью, когда Стивен сказал, что они обручаются, но все-таки тот факт, что она заполучила моего мужа и половину моего аванса в придачу, не давал мне покоя.

Из пустой столовой я наблюдала, как Делия накручивает на липкий красный палец остатки волос. Зак хныкал и елозил по сиденью обеденного стульчика. Если я не заработаю достаточно в ближайшие три месяца, Гай найдет способ забрать их у меня, и Тереза получит и моих детей.

– Я опаздываю. Нет времени обсуждать это сейчас. Так я могу забросить тебе Зака или нет? – *Я не заплачу. Я не...*

– Да, – усталым голосом ответил он. Стивен не знал, что значит усталость. *Он* мог спокойно выпить кофе и каждую ночь получал восемь часов непрерывного сна. – Финн, мне жа...

Я нажала «отбой».

Конечно, это было не так сладостно, как заехать ему коленом между ног, и да, возможно, это было слишком по-детски, неоригинально, но все же маленькая часть меня почувствовала себя лучше, бросив трубку на полуслове. Очень маленькая часть (если она вообще была), не измазанная в сиропе и не опаздывающая на встречу.

Не важно. Мои дела все еще были так себе. Все было не так.

Меня снова дернули за брюки. Делия смотрела на меня, слезы стояли в глазах, волосы высохли и торчали бурными шипами.

Я тяжело вздохнула.

– Понимаю. Скотч.

Когда я открыла дверь, ведущую из дома в гараж, на меня дохнуло осенней сыростью. Я щелкнула выключателем, но в помещении, будто в пещере, все еще было тускло, уныло и пусто. Исключение составляли лишь масляное пятно на бетоне, оставленное «F-150» Стивена, и мой покрытый пылью «Додж Караван». На грязном заднем стекле кто-то нарисовал фаллос, а Делия не дала мне его стереть, потому что, по ее мнению, он был похож на цветок, и эта ситуация была точной метафорой моей нынешней жизни.

Вдоль задней стены гаража расположился верстак, увенчанный гигантской перфорированной панелью для инструментов. Только инструментов там не было. Висел лишь мой десятидолларовый розовый садовый совок – единственное, что не забрал Стивен, опустошая гараж. Все остальное, по его словам, принадлежало его ландшафтному бизнесу.

Я покопалась в куче хлама, оставленной на верстаке, – бесхозные шурупы, сломанный молоток, почти пустая бутылка чистящего средства для обивки – и нашла рулон серебряного скотча. Он был такой же липкий и волосатый, как мои дети, и я понесла его в дом.

Печальные и влажные, как у лани, глаза Делии тут же сменили выражение. Теперь она смотрела на рулон скотча с доверием девушки, которую еще не подвел самый важный человек в ее жизни.

– Ты уверена? – спросила я, держа в горсти тонкие пряди ее волос.

Она кивнула. Я схватила с вешалки в коридоре вязаную шапку и вернулась на кухню. Зак наблюдал за нами, кусочек вафли застрял у него в волосах. Он то сжимал, то разжимал

липкие пальцы, при этом выражение его широко распахнутых глаз было весьма загадочным. В этот момент он наверняка ходил по-большому.

Замечательно. Стивен сменит ему подгузник.

Ножницы были похоронены под кучей грязной посуды, так что вместо них я вытянула нож из подставки. Я прижала отрезанные пряди к голове Делии и обматывала голову скотчем (лента отрывалась от рулона с громким треском), пока они не закрепились (в основном). На голове образовалось подобие кошмарной серебряной короны. Нож был тупым, но все же кое-как остаток рулона был отрезан.

Господи.

Натянув на Делию шапку достаточно низко, чтобы скрыть улики, я заставила себя улыбнуться. Делия улыбнулась в ответ, тонкими пальчиками убрав франкенштейно-подобные пряди из глаз.

– Довольна? – спросила я, стараясь не морщиться и не привлекать внимания к клочку волос, который выпал и теперь лежал у нее на плече.

Она кивнула.

Я швырнула нож и скотч в свою сумку, бросила туда же мобильный и выхватила Зака из стульчика.

Я подняла Зака достаточно высоко, чтобы учуять запах, идущий от его отвисших штанишек. Довольная, я прижала его к бедру и захлопнула за нами дверь.

«Я в порядке», – сказала я себе, хлопнув по пульту автоматического подъемника гаражной двери. Кнопка мотора загорелась; с ужасным скрежещущим скрипом, заглушающим болтовню детей, дверь постепенно поднялась, затопив гараж по-осеннему серым дневным светом. Я загрузила всех нас в минивэн, осторожно устроив Зака с его отвисшими штанишками в детское автокресло.

Это было не так сладостно, как заехать бывшему между ног, но я чувствовала, что сегодня подкинуть ему липкое двухгодичное дитя в подгузнике с какашками – это большее, на что я была способна.

– Куда поедет Зак? – спросила Делия, когда я завела машину и начала выруливать из гаража.

– Зак поедет к папе. Ты поедешь в садик. А мама... – Я нажала кнопку на пульте дистанционного управления и подождала, пока дверь закроется. Ничего не произошло. Я поставила машину на ручник и пригнулась, чтобы заглянуть в гараж. Кнопка мотора не светила. Как и стоп-сигналы на двери, как и свет в спальне Делии, который она все время забывала выключить. Я достала из сумки телефон и посмотрела на дату. Вот *дерьмо*. Счет за электричество просрочен на тридцать дней.

Я уронила голову на руль и замерла. Мне придется попросить Стивена заплатить за электричество. Ему – опять – придется звонить в электрокомпанию и просить их включить электричество. Мне придется просить его приехать и закрыть гараж вручную. И к тому времени, как я вернусь домой, Гай, скорее всего, уже будет знать обо всем этом.

– Так куда ты поедешь, мама? – спросила Делия.

Я подняла голову и уставилась на глупый розовый совок на панели для инструментов. На темное окно рабочего кабинета, куда не заходила уже несколько недель. На сорняки, прорастающие на дорожке у дома, и кипу счетов, которую почтовый курьер бросил на крыльцо, потому что почтовый ящик уже переполнился. Я развернула минивэн и медленно двинула вниз по дороге. Я глядела в зеркало заднего вида на сопливые, измазанные в сиропе ангельские личики моих детей, и сердце сжималось от страха потерять их, если их отдадут Стивену и Терезе.

– А маме нужно придумать, как заработать денег.

Глава 2

Было десять тридцать шесть, когда я наконец добралась до «Панеры» в Виенне. Хотя для завтрака было слишком поздно, а для обеденного перерыва слишком рано, я никак не могла найти, где припарковаться. Когда я позвонила Сильвии и объяснила, что буду сильно позже времени, на которое был зарезервирован столик в ее шикарном ресторане, она спросила, где возле метро есть место, которое рано открывается и где не нужно заранее резервировать стол. Я очень устала, пока двигалась в пробке по платной дороге, и чувствовала себя виноватой. «Панера», – название слетело с моего языка само собой, а Сильвия отключилась прежде, чем я опомнилась. Парковка у «Панеры» была переполнена блестящими «Ауди», «мерсами» и «бимерами»¹. Кто все эти люди и почему они не на работе в каком-нибудь офисе? Хотя, если на то пошло, а я почему здесь?

Я зарулила на соседнюю стоянку возле химчистки и сняла еще несколько волосков Делии со своих брюк, прежде чем наконец сдать. Надела огромные солнцезащитные очки, затенявшие половину лица, натянула парик, обернула шелковый шарфик вокруг головы, распушила длинные светлые локоны и нанесла бордовую помаду, выступая за естественную линию губ. Посмотрела на свое отражение в зеркале заднего вида. Вроде это была та самая версия меня, что размещалась на обложке моих книг, а вроде и нет. На тех фото я выглядела романтично, гламурно и загадочно, как писательница, которая хотела сохранить свою личность в тайне от полчищ бешеных фанатов. Но в тусклом освещении полуразвалившегося минивэна, с налипшими на штаны волосками, детским кремом под ногтями и с упрямой прядью моих собственных каштановых волос, так и норовившей выбиться из-под парика, я выглядела как женщина, которая просто слишком сильно пытается притвориться кем-то другим. По правде говоря, я надела парик не для того, чтобы впечатлить моего агента: Сильвия и так знала, кто я есть. И кем я не являюсь.

Сегодня мне пришлось вырядиться, чтобы меня не выгнали из этой конкретной «Панеры». Все, что мне было нужно, это чтобы во время ланча меня не опознали как ту ходячую катастрофу, которой восемь месяцев назад запретили появляться в этом заведении.

Я перекинула поддельную дизайнерскую сумку для мам через плечо и выбралась из машины, молясь, чтобы менеджер Минди уволилась (или была уволена) с тех пор, как я была здесь в последний раз и обсуждала наши с Терезой разногласия за обедом.

Я вошла в ресторан и сквозь блондинистые пряди парика, частично скрывавшие мое лицо, окинула взглядом пространство. Сильвия уже стояла в очереди, изучая меню на стене за кассами с таким видом, будто оно было написано на каком-то незнакомом иностранном языке. Я стояла рядом с ней целых полторы минуты, а затем позвала по имени, чтобы она наконец отреагировала на мое присутствие.

– Финли? Это ты? – спросила она.

Я скользнула ей за спину, сказала «тсс» и через ее плечо рассмотрела всех, кто стоял за прилавком. Не обнаружив там ни Минди-менеджера, ни каких-либо знакомых кассиров, я заткнула мешающие пряди за ухо.

– Прости, что мы не смогли пересечься в центре, – сказала я. – Утром у меня случился цейтнот.

– Вижу. – Теперь Сильвия изучала меня с тем же видом, с которым изучала меню. Длинным красным ногтем она поправила очки на переносице. – Зачем ты это надела?

– Долгая история.

¹ **Bimmer/Beamer/Beemer** – прозвища автомобилей марки BMW.

Мои отношения с «Панерой» были сложными. Мне нравился их суп. Им не нравилось, что я выливаю его на головы других клиентов. В свое оправдание могу сказать, что Тереза первая начала, попытавшись оправдать причины, по которым она спала с моим мужем.

– У тебя что-то на брюках, – поморщилась Сильвия, указывая на волосы, прилипшие к сиропу.

Я жала губы. Попыталась улыбнуться. Сильвия была воплощением всех ньюйоркцев, которых вы могли видеть по телевизору. Возможно, потому, что она была из Джерси. Она работала в офисе на Манхэттене. Носила туфли из Милана. Ее макияж выглядел так, будто она прилетела на «ДеЛориане» из 1980-х, а одежда – будто она сняла шкуру с леопарда.

– Готов вам помочь, – окликнул нас молодой человек из-за свободной кассы. Сильвия подошла к стойке, допросила его о безглютеновых вариантах и заказала багет с тунцом и чашку французского лукового супа.

Когда пришла моя очередь, я нашла самое дешевое блюдо – «суп дня». Сильвия протянула кредитку и сказала: «Я угощаю», – поэтому я добавила в заказ сэндвич с ветчиной и бри и еще кусок чизкейка.

Мы взяли подносы и пошли искать свободный столик. По дороге я рассказала Сильвии кровавые подробности утренних событий. Давным-давно у нее самой были дети, так что она была не совсем лишена сочувствия, но ее не слишком тронули мои перипетии матери-одиночки.

Все диванчики были заняты, поэтому мы нацелились на последний пустой столик на двоих посреди шумного помещения. С одной стороны какая-то студентка в наушниках смотрела на экран своего «мака». С другой стороны женщина средних лет в одиночестве ела макароны с сыром. Сильвия проскользнула между столами и с крайне раздраженным видом уселась на стул с твердой спинкой. Я бросила бумажник в сумку и поставила ее на пол, на пустой пятак рядом со стулом. Женщина, сидевшая за соседним столиком, посмотрела на сумку и, моргнув, посмотрела на меня. Я чуть улыбнулась ей, потягивая чай со льдом, пока она наконец не вернулась к своей еде. Сильвия скривилась, глядя на свой сэндвич.

– Скажи мне еще раз, почему мы выбрали это место?

– Потому что нужна целая вечность, чтоб промыть раны на голове. Прости, что опоздала.

– Так что у нас с твоим дедлайном? – спросила она, запихнув в рот приличный кусок тунца. – Пожалуйста, скажи мне, что я не зря проделала весь этот путь и у тебя хорошие новости.

– Не совсем.

Она жевала и смотрела на меня:

– Скажи, что у тебя хотя бы план готов.

Я уставилась на свой поднос и принялась ковырять еду.

– Вроде того.

– Тебе заплатили половину авансом. Скажи, что скоро все будет сделано.

Я перегнулась через стол и понизила голос (спасибо, хоть студентка за соседним столиком была в наушниках):

– Сил, мои последние убийства так неоригинальны. Я становлюсь слишком предсказуемой. Будто иду по проторенной дорожке.

– Так смени подход, – она небрежно махнула ложкой. Будто придумать сюжет – пара пустяков. – В контракте не сказано, как именно все должно произойти, лишь бы все было закончено к следующему месяцу. Ты ведь сможешь это сделать?

Я отхватила кусок сэндвича, чтобы не отвечать на этот вопрос. Если сильно напрячься, я могла бы написать черновой вариант за восемь недель. Край – за шесть.

– Разве это так сложно? Раньше ты укладывалась.

– Да, но на этот раз все запутано. – Я набрала в рот супа. Картон. После развода все на вкус напоминало картон. – Убила бы за ложку острого соуса, – пробормотала я, осматривая соседний столик. Соль, сахар, перец и салфетки. И никакого соуса.

Но женщина за соседним столиком ничего не заметила. Она глазела на мою открытую сумку. Я запахнула бумажник подальше внутрь и сложила ручки сумки, спрятав содержимое от посторонних глаз. Но она продолжала пялиться, и я смерила ее ледяным взглядом.

– Что здесь такого сложного, не понимаю. Есть милая, красивая, чуткая женщина, которую нужно спасти от действительно плохого парня. С плохим парнем разбираются, наша красавица показывает всю глубину своей благодарности, все живут долго и счастливо, а ты получаешь жирный чек.

Я отщипнула кусочек багета.

– Насчет чека...

– И не думай, – Сильвия помахала ложкой. – Я не пойду просить у них еще один аванс.

– Знаю. Но приходится изучать кучу деталей, – тихо проговорила я. – Эти захудалые ночные клубы, пыточные инструменты, секретные коды... Все это далеко за пределами моего опыта. Я консерватор, ты знаешь. У меня обычно все чистенько. Ничего эдакого... Но на этот раз... – Я отрезала кусок от чизкейка. – На этот раз мне нужна настоящая бомба, Сил. Если я сделаю это, стану новой звездой этого бизнеса.

– Делай что хочешь, но шевелись. Давай уже покончим с этим и возьмемся за следующий заказ.

Я покачала головой:

– Не хочу торопиться. На этот раз все по-другому. Эти двух-, трехтысячедолларовые авансы не стоят ни времени, ни усилий. Либо в следующий раз ставки вырастут, либо я выхожу из игры, – заявила я, поглощая чизкейк. – Если все пройдет как надо, в новом контракте потребую семь-десять тысяч, не меньше.

– Отлично. Порази их наповал, тогда и поговорим. – У Сильвии завибрировал мобильный. Она поморщилась, разглядев, кто звонит. – Извини, мне нужно ответить, – сказала она, просачиваясь между столиками. Пока я извивалась, чтобы пропустить Сильвию, женщина, сидевшая рядом, снова привлекла мое внимание. Вилка застыла над миской холодных макарон с сыром, женщина разглядывала меня ужасно долго, так что я принялась гадать, не узнала ли она меня, несмотря на макияж и парик. Или, может быть, она узнала парик.

У меня еще ни разу не просили автограф. Если бы она попросила подписать салфетку, я точно поперхнулась бы. Поэтому, когда она отвела взгляд и потянулась к своей сумочке, я даже не знала, радоваться мне или огорчаться. Я вернулась к поеданию сэндвича, проглядывая между тем пропущенные сообщения. Одно от Стивена: он интересовался, скоро ли я буду. Два напоминали о просроченных платежах по кредиткам. И письмо от редактора с вопросом, как продвигается новая книга. У меня было странное чувство, что за мной наблюдают, но та женщина, не поднимая глаз, что-то писала на клочке бумаги.

Через несколько минут в кафе снова застучали каблук Сильвии. Мое сердце сжалось, когда я поняла, что она не собирается садиться.

– Извини, дорогая. Мне нужно успеть на поезд. – Она потянулась за портфелем. – Надо срочно вернуться в город. Есть крупное предложение для другого клиента, все нужно проверить за сорок восемь часов. Надо поспешить, чтобы сделка не накрылась.

Она перекинула сумку через плечо.

– Хотелось бы, чтобы у нас было больше времени поболтать.

– Все в порядке, – заверила я ее. Но это было не так. Все было не так. – Это я виновата.

– Да, это точно, – согласилась она, надевая дизайнерские солнцезащитные очки и оставляя на меня свою посуду. – Теперь отправляйся работать над этой бомбой и дай мне знать, когда все будет готово.

Я изобразила улыбку и встала, чтобы обменяться неловкими поцелуями в щеки. Мы выглядели как подружки, которым не хочется прикасаться друг к другу. Когда Сильвия вышла, она уже снова разговаривала по мобильнику.

Я плюхнулась обратно на стул. Соседний столик был пуст – женщина ушла. Глянув вниз, я с облегчением обнаружила, что сумка с бумажником все еще спокойно стоит на месте. Тогда я убрала за Сильвией поднос с грязной посудой – отнесла его к мусорному баку, рассортировала по мусорным контейнерам тарелки и столовые приборы. Когда я вернулась, под моей тарелкой оказался сложенный листок бумаги. Я поискала глазами ту женщину, но ее нигде не было. Тогда я развернула записку.

70 000 \$ наличными
Харрис Миклер,
Арлингтон,
Норт-Ливингстон-стрит, 49

И номер телефона.

Я скомкала бумажку и занесла руку над мусорной корзиной. Но знак доллара и все эти нули перед ним разбудили мое любопытство. Кто такой Харрис Миклер? Почему у него так много налички? И зачем женщина, которая сидела за соседним столиком, подбросила эту записку на мой поднос, ведь она легко могла сама избавиться от нее?

Я сунула странную записку в карман и подхватила сумку.

Снаружи было целое море машин, и полуденное солнце слепило отражениями от лобовых стекол. Я пыталась нашарить в сумке ключи, заодно вспоминая, где припарковалась. Ключи все еще не нашлись, когда я оказалась возле химчистки и запертого минивэна. Пока я ковырялась в недрах сумки, отрезанные волоски Делии щекотали мое запястье, затем к пальцам прицепился рулон клейкой ленты, которой я пробовала скрепить ее волосы. Когда я попыталась стряхнуть его, что-то словно ужалило меня. Взяв, я выдернула руку из сумки. По пальцам текла тонкая струйка крови. Я осторожно вытащила запятнанный кровью слюнявчик, которым утром вытирала лоб Делии. Под ним обнаружился тупой кухонный нож, который я сунула вдогонку, и ключи от машины. Я приложила слюнявчик к порезу и стала ждать, пока кровь остановится, тем временем включив кондиционер на полную мощность.

Снаружи было прохладно, по-осеннему бодряще, но внутри автомобиля под полуденным солнцем воздух нагрелся, словно кипяток, и под париком голова уже вспотела и начала чесаться. Я стянула его и бросила в сумку вместе с солнцезащитными очками.

Из зеркала заднего вида на меня пристально смотрела ярко накрашенная женщина с собранными в пучок волосами. Я стерла бордовую помаду слюнявчиком, чувствуя себя самозванкой. Кого я обманываю? Мне ни за что не закончить эту книгу за месяц. Каждый день, который я провожу, притворяясь, что смогу зарабатывать на жизнь писательским трудом, только приближает меня к потере детей. Я должна была бы позвонить Сильвии прямо сейчас и все ей рассказать.

Я вытащила из кармана телефон. Вместе с ним выскользнула та странная записка. Я развернула ее. Семьдесят тысяч долларов. Я снова посмотрела на телефон. Потом опять на записку, с любопытством взглядевшись в телефонный номер, написанный внизу. Я ведь всегда могу сказать, что ошиблась, и повесить трубку? Я набрала номер, женский голос ответил после первого же гудка.

– Алло? – тихий голос слегка дрожал.

Я открыла рот, но ничего умного не пришло на ум:

– Алло?

– Вы нашли мою записку?

Я не знала, что говорить, поэтому решила отделаться неопределенным «да?».

Она взволнованно дышала в трубку:

– Я никогда не делала ничего подобного. Я не знаю, правильно ли я это делаю.

– Делаете что?

Она захихикала паническим, почти истерическим смехом, который скоро умер в трубке. Связь была настолько хорошей, будто она сидела прямо передо мной. Я взглядела в лобовые стекла соседних машин, ожидая обнаружить, что она смотрит на меня. Мой палец завис над красной кнопкой на экране.

– Вы в порядке? – спросила я, вопреки голосу рассудка. – Вам нужна помощь или что-то в этом роде?

– Нет, я не в порядке. – Она высморкалась прямо в микрофон, и связь исказилась: теперь она говорила будто в пачку салфеток. – Мой муж... Он... не очень хороший человек. Он делает странные вещи. Ужасные. Если бы это случилось лишь один раз, возможно, я бы поняла, но были и другие. Так много других.

– Другие что? Я не понимаю, какое отношение это имеет ко мне. – «Я должна повесить трубку», – подумала я. Все это становилось на самом деле странно.

– Я не могу сказать ему, что знаю. Это было бы... большой, очень большой ошибкой. Мне нужно, чтобы вы помогли мне.

Она сделала глубокий вдох, было похоже, будто ее палец тоже висит над красной кнопкой. После томительной паузы она сказала:

– Я хочу, чтобы вы это сделали.

– Сделала что? – спросила я, пытаюсь уловить суть.

– Все, что считаете нужным. Как вы и сказали, чисто. Я просто хочу, чтобы его не стало. У меня есть семьдесят тысяч наличными. Я собиралась использовать их, чтобы сбежать. Но так будет лучше.

– Так – это как?

– Сегодня вечером он будет на нетворкинг-вечеринке в «Лаше». Я не хочу знать, как это случится. Или где. Просто позвоните по этому номеру, когда все будет сделано.

Связь прервалась.

Я покачала головой, все еще теряясь в причудливом лабиринте только что закончившейся беседы. Глянула вниз на окровавленный слюнявчик у себя на коленях. На нож в моей открытой сумке и клейкую ленту с волосами Делии. Я вспомнила бледное лицо женщины, когда она слушала наш с Сильвией разговор, бросая взгляды на мою сумку.

С плохим парнем разбираются, наша красавица показывает всю глубину своей благодарности, все живут долго и счастливо, а ты получаешь жирный чек.

О боже!

Я потребую семь-десять тысяч, не меньше...

Давай уже покончим с этим и возьмемся за следующий заказ...

Семьдесят тысяч долларов. Она думала, что я сказала *семьдесят* тысяч долларов.

О, нет. *Нет, нет, нет!*

Я засунула все обратно в сумку. Записка. Что я должна с ней сделать? Выбросить? Сжечь? Вернуться в «Панеру», разорвать на мелкие кусочки и спустить в унитаз? Чем быстрее я от нее избавлюсь, тем лучше. Я скатала ее в шарик, опустила стекло и протянула руку над раскаленной мостовой.

Семьдесят тысяч долларов.

Я подняла окно, сунула записку обратно в карман и включила зажигание. Когда я покидала парковку, тщательно следя за сигналами поворотников и скоростью, сердце бешено колотилось. Что, если меня остановит полицейский, обыщет и найдет эту записку? Одной моей истории в Гугл-поиске достаточно, чтобы попасть под наблюдение властей. Ведь я писала триллеры об убийствах вроде этого. Я исследовала всевозможные способы убить кого-то. Всевоз-

можными орудиями убийства. Изучала всевозможные способы избавиться от тела. Глупости все это. Нелепо так переживать из-за дурацкого клочка бумаги. Меня не могут подозревать в преступлении, которое еще не совершено. Тем более я даже *не думала об этом*. А если его жена хочет, чтобы он помер, пусть ищет на такое дело кого-нибудь другого. А я могу заняться своими – *о-о-о...*

Руки сжали руль. Эта женщина говорила серьезно. Семьдесят тысяч долларов – солидная сумма, верно? Что случится, если она *найдет* кого-то другого? Могу ли я стать подозреваемой? Могу.

Если только...

Я проверила зеркало заднего вида, когда влилась в поток машин. А что, если никто не найдет тело? Что, если никто не будет знать наверняка, что этот Харрис Миклер мертв? Тогда не будет необходимости в подозреваемом, верно?

Я практически слышала голос Стивена, который говорил мне, что я нелепа, что я вообще хуже и выдумываю то, чего нет.

Это был аргумент, на который он всегда опирался, тот самый аргумент, который он вывалил на меня, когда я впервые заподозрила, что он переспал с Терезой у меня за спиной.

Но на этот раз я ненавидела себя за то, что он был прав.

Я ударила по рулю, проклиная себя, объезжая крайнюю правую полосу платной дороги. Почему я вообще об этом думаю?

У меня реальные проблемы, с которыми необходимо справиться: наступают дедлайны, а няни нет, авансов нет, платежи за машину просрочены, куча неоплаченных счетов и звонки от коллекторов... И вся эта ситуация с Харрисом Миклером неправильная. Ненормальная.

Семьдесят тысяч долларов.

Позади меня раздался гудок, я подпрыгнула от неожиданности и чуть ускорила, чтобы не отставать от потока. «Нужно выкинуть записку в окно, – сказала я себе, – и забыть о том, что это вообще случилось». Я стиснула руль. Включила радио. Снова выключила.

Проверила скорость, проскользнув мимо окошка для сбора за проезд по платной дороге. Раз за разом я продолжала проигрывать в своем сознании этот разговор.

Мой муж... Он... не очень хороший человек.

Интересно, не очень хороший, потому что «забыл о нашей годовщине»? Или не очень хороший, потому что «спит со всеми подряд»? Но если твой муж трахает вашего агента по недвижимости, это не причина желать ему смерти. Это может быть законной причиной хотеть, чтобы его яйца были отбиты в результате несчастного случая с участием клюшки для гольфа, или пожелать, чтобы его поразила ужасная венерическая болезнь, в симптомах которой присутствуют «выделения, вызывающие жжение». Но убивать человека за измену жене было бы неправильно. Не так ли?

Если бы это случилось лишь один раз, возможно, я бы поняла, но были и другие. Так много других.

О скольких именно мы говорили? Пять? Десять? Семьдесят тысяч? И почему сказать ему, что она знает об остальных, было бы *большой, очень большой ошибкой*?

Я повернула на свою подъездную дорожку, докатилась до стопки неоплаченных счетов на крыльце и, молясь, чтобы Стивен оплатил мой счет за электричество, нажала кнопку на пульте. Когда дверь гаража застонала, открываясь, у меня вырвался вздох облегчения. Заехав внутрь, я заглушила двигатель, закрыла дверь гаража и устала на пустую панель для инструментов. В гараже было темно и тихо, и я немного посидела там, размышляя. О детях. О счетах. О Стивене и Терезе. Обо всех моих реальных проблемах, которые могли бы решить семьдесят тысяч долларов.

Я вытащила из кармана скомканный листок и расправила его, гадая, насколько Харрис Миклер плохой муж на самом деле.

Глава 3

Когда я открыла дверь из гаража на кухню, часы на микроволновке мигали. Я знала, что должна сказать спасибо Стивену; он никогда бы не оставил наших детей в доме без электричества. Но все же трудно было испытывать чувство благодарности за горячую воду и свет, когда Стивен сам был виноват в том, что наш дом развалился на части. Я была вполне уверена, что все это было частью плана его адвоката – давать мне как можно меньше денег в месяц, чтобы в случае чего Стивен мог прийти на помощь, восстанавливая свой моральный облик и бросая тень на мой.

Но чем дальше, тем больше я задумывалась: может, он прав? Следующую пару часов я провела, раздумывая о Харрисе Миклере. Иногда мысли были достаточно добропорядочные – в эти моменты Харрис Миклер представлялся мне двойником Хью Джекмана... Слишком привлекательный и очаровательный, он не мог отгородиться от бесчисленной толпы женщин, готовых наброситься на него, и становился несчастной жертвой ревнивой жены, которая, вполне возможно, выигрывала от его смерти круглую сумму по страховке. В мыслях, которыми я гордилась гораздо меньше, я воображала его эдаким Джо Пеши на виагре и всерьез раздумывала, что при его росте я, наверное, могла бы загрузить его безжизненное тело в свой багажник.

Эти мысли сопровождались, как правило, мечтами о полных тележках в гипермаркете. В этих мечтах я позволяла себе посчитать, сколько больших упаковок памперсов, детских гигиенических салфеток и замороженных обедов и ужинов можно купить на семьдесят тысяч долларов.

Я прислонилась лбом к двери рабочего кабинета, разочарованная собой. Если мне так нужны деньги, я должна просто написать эту чертову книгу, которую ждут от меня Сильвия и редактор.

Вздохнув, я сжала блокираторы детского замка и повернула ручку. Наверное, дополнительные меры безопасности были излишними; я так долго не открывала дверь своего кабинета, что дети, скорее всего, даже не подозревали о его существовании. Воздух внутри был затхлый и застоявшийся. Слой пыли лег на стол и покрыл рамку висящего над ним университетского диплома – бакалавриат по направлению «Английский язык» Университета Джорджа Мейсона, – квалифицировавшего меня как специалиста, который, в сущности, ничего не умеет делать.

Я включила компьютер и, слушая натужные всхлипы, подождала, когда оживет экран. В университете это был компьютер Стивена, а потом, до развода, наш домашний компьютер. Он такой старый, что, казалось, все оставшееся мне свободное от детей время в этот день я потрачу на то, чтобы загрузить эту проклятую штуковину.

Жесткий диск жужжал, песочные часы переворачивались туда-сюда на удручающе пустом экране. С чего бы мне начать? Как прикажете писать захватывающую дух романтическую историю, когда моя собственная окончилась полным крахом? Было уже около полудня, Стивен ждал, что уже через пару часов я заберу Зака. Наверное, чтобы они с Терезой могли провести остаток дня, трахаясь между шикарным полдником и «счастливым часом»². Если следующие шесть недель я буду работать каждую ночь после того, как дети уснут, я, возможно, смогу выдать ужасающе сырой черновик. Но стоит ли оно того? Ведь все, что я смогу, это разбить оставшиеся гроши за книгу по кучкам и заплатить по просроченным счетам...

Судя по размеру стопки на веранде, деньги уйдут меньше чем за неделю.

² **Счастливым час** – время, когда напитки в барах подаются со скидкой (обычно в начале вечера для привлечения первых клиентов).

Экран ожил, загрузилась домашняя страница. Появилась строка поиска. Я набрала слово «как». Как мне написать эту чертову книгу и наладить свою жизнь?

Поисковая система, опираясь на историю поисков, предложила варианты автозаполнения, начинающиеся со слова «как» – сплошь непристойности или криминал: «Как много времени нужно, чтобы трупы разложились в неглубокой могиле зимой в Вирджинии? Как много урона может нанести патрон 45 Colt взрослому крупному мужчине с аномально развитыми грудными мышцами? Как человек может устранить идентифицирующие признаки трупа?»

Надо было бы закрыть поисковую систему и вместо этого открыть «Ворд». У меня была пара-тройка отличных причин, чтобы продвинуться дальше в написании книги. Но у меня также было семьдесят тысяч причин любопытствовать о Харрисе Миклере.

Правда, если на то пошло, что плохого в еще одном поисковом запросе? Всего лишь вбить имя, чтобы взглянуть на его лицо. Какой может быть вред, если быстренько пробежаться по общедоступной информации, просто чтобы понять, кто такой Харрис Миклер?

Я расслабилась в кресле, испытывая странное чувство, когда ощутила знакомые изгибы. Как только я потянулась к клавиатуре, завибрировал телефон, лежащий рядом. Высветилось фото моего бывшего мужа, и я провела вправо, чтобы заставить изображение исчезнуть.

– Привет, Стивен.

– Электричество включили?

– Да. Спасибо, что помог с этим, – сказала я с вынужденной улыбкой, надеясь, что он услышит. На заднем плане Зак визжал, как рассерженная свинья.

Стивен хрюкнул.

– Не благодари меня. Тереза позаботилась об этом. У нее есть клиентка, которая работает в бухгалтерии в нашем электрокооперативе. Тереза воспользовалась своими связями и восстановила твой счет. Потом они с Эми по пути на обед заехали к тебе и закрыли гараж. Кстати, Тереза сказала, что дверь из гаража на кухню была открыта. Тебе действительно следует быть более осторожной с этим, ведь вы живете одни.

Я прикусила язык, чтобы не сказать что-нибудь неблагоприятное и горькое.

– Приму к сведению. Об этой Эми, кто она? – Казалось, я одна была не в курсе.

– Лучшая подруга Терезы. Она нянчится с детьми несколько часов по субботам, чтобы мы с Терезой могли отдохнуть. Делия от тети Эми в полном восторге.

Отдохнуть? От сорока восьми часов с нашими детьми?

– У Делии есть тетя Джорджия. Ей не нужна тетя Эми.

– Отлично, – голос Стивена похолодел. – Давай позвоним Джорджии и попросим ее посидеть с детьми.

Я стиснула зубы.

– Оу! Нет-нет, Зак! Вернись сюда... Господи, – пробормотал слегка запыхавшийся Стивен, – послушай, Финн, мне нужно, чтобы ты поскорее забрала Зака. У Терезы после обеда был назначен показ дома, поэтому я взял Зака с собой на ферму. Через час или даже чуть раньше ко мне приезжает клиент, а Зак не сидит на месте.

– Естественно.

Я зажмурила глаза, представляя себе хаос, разыгрывающийся на другом конце линии. Ферма Стивена по выращиванию дерна была просто гигантским задним двором без забора. Акры открытого пространства для бега и много тракторов и экскаваторов для лазания. Это был рай для малышей и худший из кошмаров для родителей, если только они не были чемпионами по легкой атлетике.

– Финн?

Зак вопил, и я практически слышала, как Стивен начинает сходить с ума. Его ферма была почти на границе с Западной Вирджинией. Мне понадобится по меньшей мере сорок минут, чтобы добраться. А по дороге нужно еще забрать Делию из детского сада.

– Хорошо. – Я порылась в бумажнике и нашла двадцать долларов, которые не потратила на обед. Хватит на бензин. – Выезжаю. Дай мне пару минут, чтобы сходить в туалет и забрать Делию.

– Час, Финн. Прошу тебя.

Похоже, он был в отчаянии. И немного взбешен. Меньше трех часов он провел только с одним из наших детей, и он думает, что сможет справиться с полной опекой над обоими? Я подумала, что не буду торопиться, припоздаю, чтобы посмотреть, сколько волос у него останется, когда я наконец-то приеду. Но потом Зак начал плакать на заднем плане – такой плач Стивен не переносил. Я выбралась из-за стола; на его поверхности остались чистые от пыли участки, где так недолго лежали мои руки.

Это моя жизнь. Контракт на две тысячи за несколько месяцев работы, и ни сна, ни десяти минут в ванной комнате в одиночестве.

– Скажи Заку, что я уже еду. – Я повесила трубку, выключила компьютер и попыталась больше не думать о Харрисе Миклере.

Глава 4

Стивен купил ферму по выращиванию дерна меньше чем через месяц после развода. Как-то я возила детей посмотреть на нее. Я не слишком много знала обо всем этом – только то, что в хозяйстве триста акров земли, что производится несколько сортов травы, что затем Стивен продает ее домовладельцам и застройщикам и что он уже заработал на этом небольшое состояние. Я так и представляла его и Терезу резвящимися голышом на изумрудных полях овсяницы и долларовых купюр; возможно, поэтому мне не особо хотелось там бывать.

Я смутно припоминала, где находится ферма. Большую часть пути я ехала по навигатору, который привел меня к огромному рекламному щиту у съезда на гравийку: «ФЕРМА ПО ВЫРАЩИВАНИЮ ДЕРНА И ДЕРЕВЬЕВ «ЗЕЛЕННЫЕ ХОЛМЫ». По обеим сторонам от грунтовок тянулись поля еловых саженцев; следующий большой урожай дерна Стивен, несомненно, выставит главным вещдоком в деле об опеке над детьми. Он мог себе позволить не только кормить и одевать их, но и подарить Идеальное Рождество, прямо с картин Нормана Роквелла.

С высокого автокресла Делия смотрела за дорогой, она указала мне на парковку перед небольшим строительным трейлером у задней стороны площадки с выставленными на продажу саженцами. Я высвободила дочку из кресла и последовала за ней в офис по продажам. Постучала, прежде чем сунуть голову за дверь трейлера. Делия скользнула мимо меня и устремилась к столу, улыбаясь во весь рот сидящей за ним привлекательной молодой блондинке. Секретарше было не больше девятнадцати-двадцати, у нее была очаровательная улыбка и упругие сиськи. В точности такие, какие нравились Стивену. Бедняжка. Тереза наверняка понятия не имела об этом, так что ее я тоже чуть не пожалела.

– Привет, Делия, – заворковала девица, потрепав мою дочь по голове. Шапочка Делии при этом немного сместилась, обнажив край скотча. Девица наморщила носик и заговорщицки ухмыльнулась мне, как если бы она поняла всю предысторию, которую должна была скрыть шапка Делии.

«О, дорогая, тебе такое и в страшном сне не приснится!» – подумала я про себя.

– Вы, должно быть, Финли? – спросила девица, поднявшись, чтобы пожать мне руку. – Я Бри. Мистер Донован ждет вас.

Как мило. В офисе она зовет его «мистер Донован». Я наморщила нос и улыбнулась в ответ.

– Спасибо, Бри. Я здесь только для того, чтобы забрать Зака.

– Они сейчас на поле, где высажена зойсия. Езжайте по гравийке и где-то через четверть мили увидите слева тракторы. Стивен будет на поле за ними.

– Спасибо.

Я искренне посочувствовала ей, представив, сколько раз она останется с разбитым сердцем – сколько фаллосов будут нарисованы на пыльном лобовом стекле ее будущего. Мне хотелось предупредить ее: «Беги! Спасайся, пока еще можешь». Но мне самой было примерно столько же, когда я влюбилась в Стивена, и, если бы мне кто-нибудь сказал тогда, что он окажется похотливым мерзавцем, я бы никогда не поверила этому.

Я взяла Делию за руку и повела обратно к машине.

– Можно мне поехать спереди с тобой? – спросила Делия, когда я открыла заднюю дверь.

– Нет, милая. Тебе нужно ездить в своем автокресле.

– Но папа мне разрешает.

– Папа подает плохой пример. Это очень безответственно с его стороны. Что, если полицейский увидит и выпишет ему штраф?

Делия закатила глаза.

– Ну мама, это же не *настоящая* дорога. Папа говорит, что она частная.

– А что, если мы попадем в аварию?

– Здесь же никто больше не ездит! – продолжала скулить Делия. – Только папин пикап. Иногда он даже разрешает мне проехаться в кузове! – сообщила она с шаловливой улыбкой. Я улыбнулась в ответ, мысленно делая пометку передать эту информацию своему адвокату – если он когда-нибудь ответит на мои звонки. Я не сомневалась, что счет от него лежит на крыльце среди кучи прочих неоплаченных счетов.

Я пристегнула Делию к автокреслу, и мы потряслись по гравийке, рассекающей ферму Стивена, оставляя позади себя пыльный след. Мне страшно не хотелось признавать, что это был прекрасный участок земли. Большой, открытый и ровный, так что просматривались холмистые предгорья Аппалачей на западе; поля были аккуратно разделены на квадраты различных оттенков зеленого. Я без труда обнаружила среди этого пикап Стивена.

Красная краска четко выделялась на фоне яркого клевера, и я могла хорошо разглядеть плечи Стивена позади пикапа; он пытался догнать Зака. Тот молниеносно обежал пикап и показался с другой стороны; отвисший подгузник едва не волочился по земле.

Отлично сыграно, Стивен. Просто отлично.

При виде моего минивэна Стивен подхватил Зака и помчался с ним в моем направлении, видимо, страстно желая избавиться от нас, пока не прибыли его клиенты. Насколько я знала Стивена, он мог сказать своей хорошенькой секретарше задержать клиентов в офисе, пока мы не уедем. Он был мастером игры в наперстки, скрывая свои интересы, используя отвлекающие факторы, чтобы плавно убрать их из поля зрения, сохраняя свой безупречный имидж. Хотя я сомневалась, что даже Стивен сможет скрыть пятнышки, оставленные Заком на его рубашке с логотипом фирмы.

Он без церемоний вручил мне сына, примерно так же, как я ему этим утром. Пустышки Зака – той, что была прицеплена к комбинезону – нигде не было видно, поэтому он орал мне в ухо как резаный.

– Спасибо, что приехала сюда, – сказал Стивен на фоне криков Зака. – Мне хотелось бы поздороваться с Делией, но времени совсем нет, клиент будет здесь с минуты на минуту.

Он махнул рукой за мое плечо и выругался сквозь зубы. Я обернулась как раз чтобы увидеть, что Делия, высвободившись из ремней безопасности, вылезла из машины. Она подбежала к нам и прыгнула в объятия Стивена. Он чмокнул ее в макушку, поставил рядом со мной, тревожным взглядом изучая дорогу.

– Должно быть, важный клиент, – сказала я, пытаюсь успокоить Зака.

– Застройщик того нового комьюнити в Уоррентоне, о котором я тебе говорил, – рассеянно сказал Стивен. – Две с половиной тысячи домов в ближайшие десять лет.

Он показал одному из своих работников палец, давая нам обоим понять, что задерживается на одну минуту. Я пристроила Зака на бедро. Сын положил голову мне на плечо, и его вопли перешли во всхлипы.

– Ну что ж, отлично, не хочу тебя задерживать. Где одеяло Зака?

Стивен смущенно хмыкнул:

– Я оставил его дома. Вместе с соской.

Теперь стало ясно, почему он хотел, чтобы я все бросила и срочно примчалась сюда. Я перестала укачивать Зака и уставилась на бывшего мужа. Зак изогнулся и снова начал вопить.

– Вот, – Стивен, волнуясь, выловил из кармана связку ключей и отцепил от нее один, – ты можешь заехать ко мне и забрать вещи. Потом просто оставь ключ под ковриком и, ради всего святого, не говори Терезе, что я впустил тебя в дом.

Он взял меня за руку и начал теснить к машине. Я уперлась и поставила Зака на землю. Плач внезапно прекратился, Зак радостно сбежал. Стивен не успел поймать его до того, как он во всю прыть заковылял по полю.

Полуденное солнце било в глаза, и я приставила ладонь козырьком ко лбу, чтобы разглядеть улепетывающего Зака.

– До дома довольно далеко, а газ почти на нуле. У меня с собой только двадцатка. Не возражаешь? – я протянула руку. Если он так сильно хотел, чтобы мы уехали, он мог хотя бы оплатить поездку.

Сжав челюсти, Стивен неохотно переключил внимание на меня.

– Двадцатки вполне достаточно, чтобы добраться до дома. Здесь не так далеко. – Он натянуто улыбнулся. Наверное, чтобы не выглядеть полным засранцем перед Делией.

Я протянула руку и сняла шапку с дочкиной головы. Несколько отрезанных прядей упало на землю. Лицо Стивена вытянулось. Он достал из кармана двадцатку и сунул ее мне в руку, при этом глаза его беспокойно метнулись на гравийку позади нас. Делия выхватила свою шапку и безуспешно попыталась натянуть ее обратно. Внимание Зака привлек ярко-желтый трактор, я побежала и успела схватить Зака прежде, чем он успел забраться на него.

– Спасибо, что приглядел за ним сегодня. – Зак извивался и подвывал у меня на руках. – Пожалуй, мы поедem.

Пыль клубилась за двумя подъезжающими автомобилями. Блестящий «Мерседес» остановился за фаллосом на заднем стекле моего минивэна. Я никогда не видела Стивена таким радостным, как в тот момент, когда я пристегнула детей и закрыла задние двери.

– Будет быстрее, если вы поедете через задние ворота, – сказал он, открывая для меня дверь жестом, который со стороны должен был выглядеть как рыцарский. – Просто ежай по гравийке до конца. Она выведет на сельскую дорогу за фермой. Поверни направо, затем опять направо, а потом ежай по указателям до шоссе. – Стивен помахал на прощание и бросился раскланиваться с клиентами, чьи машины сейчас перекрывали дорогу, по которой мы приехали.

Я завела мотор и опустила окна. Прохладный ветерок колыхал множество акров свежей травы – будто волны пробегали по поверхности огромного зеленого океана. Пока мы ехали сквозь него, я не могла не восхищаться тем, что здесь устроил Стивен. Траву нужно было посадить, вырастить, собрать урожай.

Я видела, что он начал что-то, ради чего готов преодолеть любые трудности. По обе стороны от дороги тракторы вспахивали богатую темную землю, разбрасывая семена в готовые траншеи. Другие срезали длинные свежие пряди плотного дерна, которые на вид были вполне достойны покрыть поле для гольфа. Третьи скатывали их в рулоны и загружали на платформы грузовичков.

Три сотни акров земли. Я не могла закончить даже три сотни страниц. Не могла так же аккуратно подстричь одну маленькую девочку, как Стивен все эти поля.

Я покинула ферму дорогой, которую указал мне Стивен, мимо вспаханного поля на окраине фермы, ожидающего, когда его засеют, – нескольких акров целины, которую он еще не успел приспособить под что-то полезное.

Глава 5

Я сунула ключ Стивена в замок, другой рукой поддерживая Зака, хнычущего у меня на бедре. Делия вошла следом, выскользнула из кроссовок и напрямик отправилась в свою комнату. В доме Терезы было не принято ходить в обуви. Деревянные полы из широких досок и девственно-белые ковры пропахли лимонным дезинфицирующим средством, как будто Тереза обработала им весь дом этим утром после визита моих детей.

Я не стала снимать кроссовки и, поднимаясь по лестнице в детские спальни, оставляла за собой грязные следы. Комната Зака была стерильной и безликой – белые ковры, белые жалюзи, однотонная дорогая мебель с острыми углами и прямыми линиями. Одежда Зака, с уже выцветшими шенками, зато в ярких разноцветных пятнах, было расстелено на пеленальном столике, пожеванная соска лежала рядом. Зак отправил ее в рот. Он подоткнул свое флаanelовое в катышках одеяло под подбородок, положив голову на мое плечо, и довольно причмокнул. Спускаясь по лестнице, я позвала Делию, но она, как обычно, не хотела уходить. Этот дом ей был еще в новинку, здесь все было другим; новое постельное белье, как у принцессы – розовое с рюшечками, новые куклы Барби с блестящими аксессуарами. Дома она никогда не играла с Барби. И ее не особо интересовали принцессы. Но здесь был мир ее папы, и она была совершенно довольна, играя в этом мире в девичьи наряды.

Я стояла в фойе среди бесчисленных совместных фотопортретов Стивена и Терезы; ими было увешано все – от двери до верхней лестничной площадки. Наверняка они заполнили и всю спальню. Каждый дюйм этого пространства напоминал о том, почему Стивен здесь и кто его половинка, а то вдруг забудет. Как забыл про меня, когда появилась Тереза.

Когда мы со Стивеном жили вместе, наши общие фотографии в рамках, висящие на стенах, можно было по пальцам пересчитать – случайное фото с церемонии по поводу окончания университета, сделанное нашими друзьями, с которыми мы не общались после развода, фото с помолвки вместе с моими родителями и еще со свадьбы, где мы размазываем друг другу по лицам свадебный торт, – вот и все, что мне удалось вспомнить. Может быть, это моя ошибка. Может, я сделала слишком мало напоминаний о нас. О том, как все было, или о том, что он может потерять. Или, быть может, это ничего не изменило бы. Стивен – явно не Верный Старина³, и если Бри-с-его-фермы не было ни на одном из этих Терезиных снимков, это вовсе не означало, что ее нет где-то за кадром.

Моя рубашка под круглыми щеками Зака стала влажной. У него из носа бежало, и я едва удержалась от искушения вытереть ему соплю, а потом обтереть палец об один из портретов, прямо под носом у Терезы. Но это было бы слишком мелко. Тем более в этом великолепном мире Терезы козявка быстро будет замечена, а если повезет, то и Бри.

Снова позвав Делию, я вытащила салфетку из коробки на кухне. Позади коробки, на столике, стоял открытый ноутбук Терезы; он был в спящем режиме – логотип «Виндоус» плавал с одного конца экрана до другого. Любопытство пересилило, и я нажала «Пробел». Ноутбук ожил, не потребовав пароля, появилась домашняя страница с поисковиком. Курсор мигал на пустой строке для поиска.

Я заглянула за угол в холл. Было слышно, как наверху Делия разговаривает со своими Барби. Зак встрепенулся, когда я переложила его на другое плечо, но глаза снова закрылись, и он продолжил посасывать соску.

Свободной рукой я вписала имя Харриса Миклера.

³ **Верный Старина** (англ. Old Faithful) – один из самых предсказуемых гейзеров на планете, он извергается каждые 35–120 минут; считается, что это наиболее часто фотографируемое из чудес природы.

Аккаунты в социальных сетях и фотографии затопили экран. «Фейсбук», «Линкедин», «Инстаграм», «Твиттер». Одним щелчком я открыла его профиль на «Фейсбуке». Привлекательный мужчина сорока с чем-то лет улыбнулся мне с экрана. Харрис Миклер, 42 года, женат на Патрисии Миклер и является вице-президентом по работе с клиентами одной из перспективных финансовых компаний.

Патрисия... Было странно примерить такое безобидное имя к лицу женщины, предложившей мне семьдесят тысяч долларов за убийство мужа. Пролистывая его альбомы, я сумела найти только одну совместную фотографию – снимок в честь годовщины, сделанный пять лет назад. Вспышка поймала удивленное выражение широко распахнутых глаз – такой же взгляд, устремленный на меня, я перехватила в «Панере».

Было слышно, как наверху Делия говорила что-то голосом принцессы. Зак спал, посасывая соску. Я кликнула на профиль Патрисии, сама не зная, что именно хочу увидеть – губки уточкой на селфи ищущей внимания женщины? Раздражающую манеру постить что-нибудь бессодержательное, лишь бы привлечь внимание, разбавляя все это онлайн-викторинами и политическими мемами? Но Патрисия оказалась совершенно иной. Ее посты были редкими и вдумчивыми, и она нечасто вставляла в них свои фото. Согласно ее профилю, она была инвестиционным банкиром, а потому ее запросто мог настичь синдром самодовольной засранки. Вместо этого, насколько можно было судить, она вовсе не кичилась своими деньгами. Она часто волонтерила в местном приюте для животных, а когда менее удачливые друзья объявляли сбор средств, делала пожертвования; было заметно, что в одежде она предпочитает толстовки и выцветшие джинсы. Единственная деталь, словно выставленная напоказ, – ее обручальное кольцо, инкрустированное бриллиантами, с вульгарно выпирающим большим камнем по центру. Учитывая то небольшое, что я узнала о Патрисии, кольцо казалось несоразмерно роскошным. Тем не менее оно выделялось на каждой фотографии.

Из любопытства я увеличила одну из них. Патрисия держала на руках кошку из приюта, кольцо в кадре. Вся остальная одежда без изысков: обычные джинсы, удобные кроссовки, форменная футболка приюта, поверх нее толстовка... Я наклонила голову, чтобы рассмотреть изображение поближе. Из-под рукава выглядывала черная повязка – бандаж на запястье, обхватывающий руку и большой палец. Я пролистала фотографии в обратном порядке, задержавшись на одной, сделанной тремя месяцами ранее – повязка на голове. И еще перед этой – шина на пальце.

Я не могу сказать ему, что я знаю. Это может быть... большой, очень большой ошибкой.

Я заново просмотрела ее фотографии, выискивая синяки в темных кругах под глазами, говорящие горбинки в орлиных очертаниях носа, гипс, выпирающий из-под мешковатых толстовок. С каждой отметиной на теле Патрисии, которая, возможно, могла быть шрамом, Харрис Миклер нравился мне все меньше и меньше. И хотя я знала, что не должна этого делать, я все же снова кликнула на его профиль в «Фейсбуке». Он был членом нескольких десятков нетворкинговых организаций и бизнес-групп от Аннаполиса на востоке до Ричмонда на юге. И, как и говорила Патрисия, он подтвердил свое участие в мероприятии сегодняшним вечером в модном баре в Рестоне. «Лаш» был всего в нескольких милях отсюда... Я попыталась отмахнуться от этой внезапно возникшей мысли, но не преуспела. Я могла бы съездить. Просто посмотреть. Взять коктейль и понаблюдать за ним из неприметного уголка. Просто из сочувствия к Патрисии.

Я закрыла браузер и очистила историю поиска. Нелепая мысль. Мне даже надеть было нечего.

Делия по-прежнему играла – сверху доносился ее высокий голосок. Я положила Зака, завернутого в одеяло и с пустышкой во рту, на диван и поднялась потихоньку по лестнице, остановившись перед спальней Стивена. В конце концов, Тереза утром была в моем доме. Ведь

она сказала Стивену, что дверь была незаперта, а это она могла узнать, только попробовав ее открыть. И у меня, по крайней мере, был ключ.

Дверь в спальню Стивена была чуть приоткрыта, и я аккуратно толкнула ее; хаос по ту сторону изрядно удивил меня. Я ожидала увидеть наглаженное постельное белье и искусно разложенные подушки. Я была готова к свечам, расставленным вокруг ванны, и искусственным цветам возле раковины. Но в спальне Терезы и Стивена как будто цунами прошел. Простыни на кровати были скомканы. Всюду были разбросаны лифчики и носки, а единственным украшением ванны служила гора преющих полотенец. На стене в спальне криво висело лишь одно совместное фото. С тех самых пор, как я впервые уличила Стивена в измене, я боялась, что их с Терезой личное пространство выглядит гораздо опрятнее моего. Но когда мне под ноги попала пара трусов Стивена, я заглянула в открытый шкаф и поняла, что их жизнь за закрытыми дверями не слишком отличается от той, что была у нас со Стивеном, и вдруг мне стало понятно, почему Тереза не хотела видеть меня у них дома.

Я подобралась к ее стороне шкафа. Юбки, блузки и платья висели без особого порядка – между ними было достаточно места, чтобы они не помялись, – и никто не заподозрит, что втайне она неряха.

Перебирая вешалки одну за другой, я остановилась на маленьком черном платье. По моим подсчетам, их у нее было не меньше пяти. Сняв его с плечиков, я встала перед зеркалом и приложила платье к себе. Складка, пара булавок – и я буду отлично выглядеть в нем. Она, возможно, даже не заметит его пропажу.

Я закусила губу, подумав о том, сколько всего она тайком увела у меня. И о том, сколько всего *еще* она пытается у меня отобрать. Чтобы не передумать, я свернула платье, сунула под мышку и, покидая спальню, оставила дверь приоткрытой – ровно такой, какой я ее застала.

Я снова позвала Делию, на этот раз настойчиво. Ее тяжелый вздох все больше и больше напоминал отцовский; маленькие ножки явно неохотно шагали за мной вниз по лестнице.

– Мама, мы не можем еще чуть-чуть тут побыть? – заканючила Делия.

– Нам пора домой. – Я засунула ее руки в рукава пальто. Она притопнула, когда я ее обувала.

– Папа сказал, что скоро *здесь* будет мой дом. – Эти слова будто нож резанули меня по сердцу. Я едва сдерживала дрожь, беря одной рукой Закари, вместе с одеялом и соской, а другой Делию за руку, стараясь унести все следы пребывания детей. И когда я плотно закрыла за собой дверь дома, где жил теперь мой бывший, я не могла не подумать о том, насколько хорошего адвоката по опеке можно было бы нанять за семьдесят тысяч долларов.

Глава 6

Как только мы добрались до дома, я усадила детей перед телевизором с миской крекерных рыбок и, опасаясь, что сойду с ума, если буду дальше обо всем этом думать, набрала номер Вероники.

Дождалась звукового сигнала. «Привет, Ника! Это Финли. Слушай, я знаю, Стивен сказал тебе, что нам больше не нужно, чтобы ты присматривала за детьми. Так вот, это не мое решение. Понятное дело, он не спросил меня, когда решил... ты знаешь... уволить тебя», – произнесла я, поморщившись. Я не имела права ни о чем ее просить. Но я сделала глубокий вдох и все же попросила: «Но сегодня вечером кое-что намечается, и мне действительно нужна няня. Если ты свободна в семь, это будет великолепно. Я уеду ненадолго». Но если я все равно собиралась заплатить няне, собиралась нарядиться, то я должна была позволить себе расслабиться. Так что я добавила: «Самое позднее до одиннадцати. И еще, я знаю, что это срочный вызов, но я смогу заплатить тебе двойную цену». С онлайн-счета Стивена. Пароль еще работал. Я берегла эту возможность на случай крайней необходимости, но после всего, что произошло сегодня, я была уверена, что мне крайне необходимо выпить. «Если ты не можешь или не хочешь – я пойму. Я тогда попробую договориться со своей сестрой. Но если ты прослушаешь это сообщение в ближайшее время, перезвони мне и дай знать о твоём решении. Пожалуйста».

Я положила телефон и смотрела, как тускнеет экран. Затем я снова взяла его и стала ходить по кухне и грызть ноготь на большом пальце, время от времени проверяя экран. Маленькое черное платье Терезы висело на ручке двери в кладовую. Глубокий вырез, облегаящая талия, соблазнительный разрез на бедрах... такое могла бы надеть героиня одной из моих книг. Держу пари, на Терезе оно смотрелось потрясающе. Среди куч разбросанной одежды на полу ее спальни я не заметила ни хлопкового нижнего белья, ни единой пары леггинсов.

Я нажала на кнопку и набрала номер сестры.

– Привет, Финн.

– Привет, Джо. Ты сегодня работаешь?

Повисло молчание, и этим было все сказано. Лгунья из моей сестры была ужасная. Джорджия была сама честность. Слишком честная, порой себе во вред. Зато, наверное, поэтому из нее вышел такой хороший коп.

– А что? – осторожно спросила она.

– Мне очень нужно забросить тебе детей.

Моя сестра не очень хорошо умела обращаться с детьми. Она хорошо умела обращаться с преступниками. Джорджия была одинока с тех самых пор, как вышла из утробы матери, и, по ее словам, ее это вполне устраивало. Она явно предпочитала проводить вечера, выламывая двери и выдавая ордера на арест, а не смотря «Улицу Сезам» или «Дашу-путешественницу». Впрочем, кто бы не предпочел?

– Всего на несколько часов, – упрашивала я. – Я их покормлю, и Зак, возможно, вырубится еще до того, как мы доберемся до тебя. Они проспят большую часть времени, обещаю.

На заднем плане передавали новости.

– Прости, Финн. Я не могу. Ты не слышала новости? Местная группировка русской мафии утром снова выиграла в суде. Я собиралась вечером встретиться с парнями из ОПН, обсудить все это.

ОПН. Организованная преступность и наркотики. Джорджия работала в отделе по насильственным преступлениям.

– Ты не работаешь по наркотикам.

– Нет, но я обычно поддерживаю их, когда они идут заливать свое горе пивом.

Канал на заднем плане переключился. Теперь звучал саундтрек вечернего сериала про копов, повторный показ которого Джорджия смотрела только для того, чтобы поворчать на сценаристов, допускающих кучу неточностей в отношении работы полицейских.

– Ну пожалуйста, Джорджия. Это важно.

– А ты не можешь позвонить Нике?

– Стивен утром уволил ее, и она теперь не отвечает на мои звонки. У меня больше никого нет. И мне действительно очень нужно кое-что сделать.

Сделать что? Какого черта я делаю? Господи Иисусе, я правда это делаю? Да, черт возьми. Я правда это делаю.

– Одно исследование для книги, над которой я работаю, и я не могу взять детей с собой.

– А что твои друзья? Они не могут тебя выручить?

– У меня нет настолько близких друзей.

Я потеряла висок, подумав о той горстке людей, которым я, наверное, могла бы позвонить, но не стала. Стивену никогда не нравились мои друзья. Может быть, потому, что он никогда не нравился им. И за прошедшие годы, сознательно или нет, но я отдалилась от них. Я предпочла им Стивена. А после развода друзья Стивена выбрали его.

Она выключила звук телевизора и тихо выругалась:

– Неужели по соседству нет ни одной няни, которая могла бы присмотреть за ними?

Точно. Вроде тети Эми?

– Моя няня только что наняла адвоката, чтобы оформить полную опеку над моими детьми, и он уволил мою настоящую няню! Поэтому нет, Джорджия, у меня больше нет никого, кто мог бы за ними присмотреть!

Она издала вздох, способный вышибить двери лаборатории по производству метамфетамина.

– Ладно. Но только на несколько часов. Если не вернешься к десяти, я объявлю тебя в розыск и организую охоту.

Поспешно поблагодарив, я сразу же разъединилась, пока она не передумала. Я плюхнула противень с куриными наггетсами в духовку, вымыла и накормила детей, сменила Заку подгузник и поспешила наверх готовиться к вечеринке. И пока я сдувала пыль со старой дамской сумки, расшитой бисером, и засовывала в нее парик и косметику, я продолжала гадать, что из себя представляет Харрис Миклер за закрытыми дверями.

Какие скелеты они с Патрисией прячут в своем шкафу и действительно ли возможность избавиться от недостатков Харриса Миклера стоит семидесяти тысяч долларов?

Глава 7

В свое время я хорошо погуляла по барам. Университетские бары, местные забегаловки, элитные бары со Стивеном – когда был необходим деловой ужин с клиентами. Бары для копов – с Джорджией, гей-бары (снова с Джорджией) и сомнительные стрип-бары в не-очень-приятных районах во имя «полевых исследований» для книги, о которой вы, скорее всего, никогда не слышали. Но не имело значения, сколько баров я успела посетить, я все равно терпеть не могла заходить в бар в одиночку. Я ненавидела этот момент, когда все взгляды поворачиваются на тебя, чтобы посмотреть, кто вошел.

Или – еще хуже – когда никто не удосуживается оглянуться.

«Лаш» был под завязку упакован пиджаками, галстуками и маленькими черными платьями, поэтому, казалось, никто не обратил внимания, когда внутрь втиснулось еще одно. Я удостоверилась, что парик и шарф сидят как надо, и опустила огромные солнцезащитные очки на переносицу, чтобы дать глазам привыкнуть к тусклому свету. За медно-вишневым барной стойкой, украшенной разноцветными бутылками и подсвеченным травленным стеклом, работали неприлично привлекательные юные бармены, которые, видимо, целыми днями рассылали свои фото и шерстили интернет на предмет очередного кастинга в округе Колумбия. Я пробиравалась, прокладывая себе путь между высокими столиками и переплетенными нитями разговоров, пока наконец не захватила последнее свободное место в дальнем конце бара. Я потянулась, чтобы перекинуть ремень моей сумки для мам через спинку стула, но вспомнила, что оставила ее у Джорджии вместе с детьми. Так что я положила дамскую сумочку на стойку перед собой, чувствуя себя неуютно без привычного груза, как будто я забыла дома что-то важное. Кроме документов, в сумочке лежали только тюбик бордовой губной помады, двадцатка Стивена, телефон и измятая записка от жены Харриса Миклера. Я изучила лица мужчин в баре. Затем женщин.

Все они смутно напоминали мне Стивена и Терезу, но я точно была уверена, что никого из них не знаю. Я сняла очки и убрала в сумочку. Подумала было заказать пива, но в этом месте явно не подавали простой «Будвайзер».

Поэтому я заказала водку с тоником, и, понемногу отпивая из бокала, незаметно просканировала бар в поисках Харриса Миклера. Средний рост, среднее телосложение, медно-каштановые волосы, припорошенные сединой на висках. Когда он улыбался, глаза, и так маленькие для его лица, превращались в две складки. Я не обнаружила никого похожего на него, поэтому, когда мимо проходил бармен, я подняла палец, привлекая его внимание. Он облокотился о стойку, перегнулся, подставив мне ухо, чтобы лучше услышать меня сквозь шум и разговоры соседей.

– Где тут обычно тусуется народ из корпораций? – спросила я его.

Он глянул на безымянный палец без кольца. Понимающе улыбнувшись, показал подбородком на шумную группу мужчин и женщин, смеющихся вокруг нескольких высоких столиков:

– Те, что работают с недвижимостью, обычно собираются там. – Затем кивнул головой в направлении другой группы рядом с первой: – Банкиры и ипотечники держатся около. – Он ткнул большим пальцем через свое плечо в сторону оживленной группы в другом конце бара. – Предприниматели, организаторы пирамид, бизнес на дому, – сказал он, скривившись, что говорило о том, что он выбрал эту часть бара не случайно. – Ну а элитные пиджаки обычно бронируют приватные столики – там, где диваны с высокими спинками – в задней части бара. – Он достал стакан из-под стойки, оглядев меня с ног до головы. – Не похоже, что ты тусуешься с бизнес-элитами.

Я взяла стальную ложку для размешивания коктейлей и, пронзив ею лайм, допила все, что оставалось в бокале.

– Не похоже, что тебе достаточно лет, чтобы обслуживать меня.

– Ой-ей! – смеясь, воскликнул он. Закусил губу и посмотрел на меня, словно в первый раз увидел. – Вообще я имел в виду, они все будто под копирку сделаны и такие напыщенные, а ты – нет.

Я помешала лед в стакане.

– Хм... «напыщенные». Словечко из вступительного экзамена в универ?

Наши пальцы соприкоснулись, когда он забрал мой пустой бокал.

– На самом деле из вступительного экзамена на юридический.

Он сделал паузу, оценивая мою реакцию, а затем вместо старого бокала поставил новый. Я даже не заметила, когда он успел сделать еще один.

– Как тебя зовут?

Я притянула трубочкой лайм, раздумывая, что ответить. Черт возьми. Почему бы нет.

– Тереза, – сказала я, протягивая руку.

– Джулиан.

Его рукопожатие было таким, как надо. Ни попыток утвердить свое доминирование под влиянием тестостерона. Ни малейшего намека, что он недооценивает меня.

– Что планируешь изучать, Джулиан?

– Я уже изучаю, – поправил он меня. Если я и задела его чувства, он не подал вида. – Университет Джорджа Мейсона, третий курс юридического. Уголовное право.

Я иронически изогнула бровь.

– А разве прокуроры не все сплошь напыщенные и будто под копирку сделанные?

Он перекинул барное полотенце через плечо.

– У меня не настолько развиты амбиции. Я считаю, что обществу не мешает несколько хороших государственных защитников. А что ты? Чем занимаешься?

Я потягивала коктейль, лед дзинькал по зубам. Я думала, что сказать. Я взяла за правило никогда не говорить незнакомцам, чем я занимаюсь. Такие разговоры всегда выходили странными. И запоминающимися. Я опустила взгляд на Терезино платье и выдрала пару ворсинок из ткани.

– Недвижимостью.

– Звучит скучно.

Я подавила смех.

– Просто ужасно.

– Не пойми меня неправильно, – сказал он осторожно. – Не похоже, что ты занимаешься недвижимостью.

– Неужели? – Он был наглый, но обаятельный, и его улыбка все больше мне нравилась, хотя это мог сказываться второй бокал водки с тоником. – А что же мне тогда подходит?

Джулиан изучил меня, полируя стакан.

– Холодное пиво, пицца на вынос. Ходить босиком, в джинсах и свободной выцветшей футболке.

Я почувствовала, как мои щеки краснеют от того, насколько он попал в точку, я была удивлена этим и тем, что меня не задевает его прямота. И тем, как он смотрит на меня. Я осушила стакан, размышляя о разнице между мной и Терезой, о том, любил ли когда-нибудь Стивен пиццу на вынос или всегда предпочитал что-нибудь поэлитнее, а я, по своему невежеству, не замечала этого.

– Жаль, что ты не занимаешься семейным правом. Обществу не помешали бы несколько честных адвокатов по разводам. – Я положила двадцатку на стойку и соскользнула со стула. Мне нужно было пописать, а туалетные комнаты были как раз в задней части бара, возле тех

приватных столиков, о которых говорил Джулиан. Я могла бы проверить их по пути. Просто из любопытства.

– Эй, – Джулиан положил свою руку на мою прежде, чем я успела отвернуться. – Моя смена заканчивается через час. Если подождешь, мы могли бы вместе перекусить что-нибудь.

Локон медового оттенка упал на его глаз, на лице светилась совершенно невинная улыбка. Не буду лгать и скажу, что дала себе несколько секунд подумать над этим предложением.

– Спасибо.

Я пододвинула к нему двадцатку. Мне нужно было добраться до детей и Джорджии прежде, чем она отправит каждую патрульную машину в городе на мои поиски. И меньше всего мне было нужно, чтобы меня обнаружили на заднем сиденье моего минивэна, кувыркающейся на пеперони с юным охотником за женщинами постарше.

– Мое платье не совсем подходит для пиццы.

Он прикусил нижнюю губу, подавляя ухмылку.

Я поблагодарила его и указала на заднюю часть бара, давая ему понять, что, как бы ни заманчиво было его предложение, мои планы на вечер не изменились. А затем я отправилась искать дамскую комнату. И, может быть, Харриса Миклера.

Столики в конце бара были уединенными; теплое неяркое освещение, черные кожаные диваны с высокими деревянными спинками – все это выставляло меня какой-то отморозенной, пока я пыталась заглянуть в каждый мирок, ковыляя в туфлях на каблуках, которые не надевала уже несколько лет. На правой ноге, там, где тугой ремешок врезался в сустав под пальцем, образовался волдырь, да и два бокала водки с тоником на пустой желудок не делали движение прямо по курсу легче. Пробираясь к туалету по узкому проходу между спинками диванов, я чувствовала легкий крен. Когда я добралась до последнего столика, зазвонил телефон.

– Прошу меня извинить, – сказал мужской голос. – Я должен ответить на звонок.

Мужчина выскользнул из-за столика, не поднимая глаз от телефона, и зашагал к бару, едва не сбив меня.

– Это Харрис, – сказал он низким голосом в этот момент.

Харрис. Я обернулась ему вслед и, потеряв равновесие, оперлась о спинку ближайшего дивана. Пара, сидящая за столиком, с любопытством посмотрела на меня, поэтому я нагнулась и демонстративно поправила ремешок, а в это время из-за столика Харриса Миклера вышла женщина. Высокие каблуки процокали по коридору и исчезли в дамской комнате. Я застыла на мгновение, пытаюсь подслушать, о чем говорит Харрис в нескольких футах от меня, но разговор быстро закончился, и он убрал телефон в карман. Махнув ближайшему официанту, он заказал два бокала шампанского и вернулся на место. Я быстро юркнула в туалет и, оккупировав пустую кабинку, с удивлением обнаружила, как бешено колотится сердце.

Что я творю? Все это нелепо. И я сама нелепа. Итак, Харрис Миклер ходит на сторону. Ну и что? Куча мужчин поступали так же и до него. Включая моего собственного мужа. Но как бы я его ни ненавидела за это, мне бы не пришло в голову убивать его. Даже за семьдесят тысяч долларов. И все же я здесь, шпионю за человеком, которого даже никогда не видела.

Я облегчила мочевой пузырь так быстро, как только могла, вымыла руки и, открыв сумочку, чтобы достать помаду, замерла при виде измятой записки Патрисии Миклер. Надо немедленно смыть ее. Разорвать на мелкие клочки и смыть в раковину.

Позади меня щелкнул замок кабинки, и я поспешно захлопнула сумочку.

Дама Харисса Миклера склонилась над своим смартфоном, длинные светлые волосы, будто занавески, закрывали лицо, ниспадая до плеч. Я нанесла на губы свежий слой помады, наблюдая в зеркало за тем, как она набрала номер и приложила телефон к уху. На ней был серо-

голубой костюм; на безымянном пальце левой руки сверкало потрясающее кольцо с бриллиантом, и рядом – инкрустированное бриллиантами обручальное кольцо.

– Привет, малыш, – проворковала женщина в телефон, пока я убирала помаду обратно в сумочку.

«Может быть, они с Харрисом просто коллеги», – сказала я себе. Может быть, у них только что состоялась крупная сделка и они отмечают это событие.

– Прости, милый, – продолжила она. – У меня встреча с клиентом. Она закончится позже, чем я рассчитывала. В холодильнике есть еда, лекарство от аллергии для Кэти – на столе. Сможешь уложить детей спать?

Так, значит, Харрис определенно изменяет. С замужней женщиной.

Велика важность. Конечно, он заслуживал жесточайшей гонорее, а если он бил свою жену, то тюрьмы, но пока ничего из того, что я видела, не указывало на то, что Харрис Миклер заслуживает смерти.

Глядя в зеркало, я поправила парик, посмотрела время на телефоне. Еще рано. Я еще могла успеть купить на вынос еды в китайском ресторанчике, оплатив ее со счета Стивена, принести ужин для Джорджии и навсегда забыть обо всем этом... Подруга Харриса Миклера прислонилась к тумбе и повысила голос:

– Это важный клиент, Марти! Что я могу поделать?

Я выскользнула из туалета, и дверь мягко закрылась, заглушая их жаркий спор. Я поспешила по коридору обратно в бар, а официант как раз поставил два фужера с пузырящимся шампанским перед Харрисом Миклером. Я уловила белую вспышку накрахмаленной рубашки Харриса, когда он передавал официанту сложенную купюру. Когда официант отвернулся, что-то скользнуло из ладони Харриса в один из фужеров. Белая таблетка выделялась на фоне пузырьков; она шипела, опускаясь на дно фужера.

Опустив голову, я быстро прошла мимо столика Харриса и скользнула на пустое место за барной стойкой. Угол зрения был слишком мал, чтобы видеть лицо Харриса Миклера, но мне достаточно хорошо была видна его рука, вертевшая фужер. Я едва заметила, что ко мне подошел бармен, чтобы принять заказ. Все равно у меня не было денег, так что я смотрела через его плечо, как Харрис меняет положение фужеров.

Бармен возник в поле моего зрения. Когда наши взгляды встретились, Джулиан улыбнулся. Я пыталась незаметно следить за дверью туалета в конце коридора. Женщина могла вернуться в любую секунду.

Что мне делать? Сказать Джулиану? Попросить его приглядеть за их столиком?

Вернуться в туалет и рассказать той женщине, что сделал Харрис Миклер? Оба варианта делали из меня свидетельницу. Мне пришлось бы ждать, пока приедет полиция и возьмет показания. Они начнут спрашивать, кто я такая и что я здесь делаю. Мне придется объяснять, почему я в парике и украденном платье и почему я назвалась Терезой. Мне придется объяснять, почему за мной охотится полиция, ведь я не успею вовремя забрать детей у сестры.

Джорджия!

Джорджия – коп. Если бы она была на моем месте, что бы она сделала? Каждый пришедший на ум сценарий включал либо оружие, либо наручники, либо владение приемами джиу-джитсу. У меня ничего этого не было.

– Планы изменились? – с любопытством спросил Джулиан, наклонив голову.

– Возможно, – вырвалось у меня помимо воли.

Его ухмылка стала шире.

– Хочешь выпить, пока ждешь?

В этой части истории героиня должна была бы импровизировать. Так что бы сделала героиня моей книги? Определенно, не стала бы звонить в полицию, когда в ее сумочке спрятан вексель за заказное убийство.

– «Кровавую Мэри»! – попросила я.

Он поднял бровь в ответ на мой выбор напитка, но спорить не стал. Пока он наливал в стакан томатный сок и водку, добавлял лед и сельдерей, я не отрываясь смотрела на дверь туалета.

– Спасибо, – я выхватила стакан из его рук прежде, чем он поставил его на стойку. – Сейчас вернусь.

Я быстро направилась по темному коридору в туалет и, открыв дверь, с облегчением обнаружила, что дама Харриса наклонилась к зеркалу, подправляя румяна. Я сделала глубокий вдох и помолилась, чтобы у этой женщины не было разрешения на скрытое ношение оружия. Затем я притворилась, что споткнулась и выплеснула содержимое стакана ей на спину, залив костюм томатным соком.

Ее позвоночник напрягся, когда ледяная жидкость пропитала бледно-серую ткань юбки.

– О нет! Мне очень, очень жаль! – Я поставила пустой стакан в раковину и выхватила пачку бумажных полотенец из автомата.

Она отмахнулась от моих неуклюжих попыток вытереть пятно, с отвращением посмотрев в зеркало, чтобы оценить размер ущерба.

– Я вся в этой гадости!

Могло быть гораздо хуже.

Она безуспешно попыталась дотянуться до самого ужасного пятна на спине.

– Содовая, – сказала я, отступая к двери. – Нам нужно *много* содовой. Никуда не уходите. Не двигайтесь. Я знаю, что нужно делать.

Я приоткрыла дверь ровно настолько, чтобы юркнуть за нее.

Харрис поднял голову, когда я вышла из туалета. Его улыбка исчезла, когда я остановилась напротив него. Мое сердце забило. Сейчас или никогда.

– Харрис? Харрис Миклер? Это ты?

Он побледнел, бросая тревожные взгляды на соседние столики.

– Нет, я не...

Его взгляд метнулся на дверь туалета.

– Простите, – сказал он одновременно и раздраженно, и смущенно. – Мы знакомы?

– Харрис! – Я хлопнула его по руке. – Мы познакомились на той рождественской вечеринке, вспомни, несколько лет назад. – Ловко, Финли. Очень ловко. Я бы пнула сама себя, если бы не боялась, что упаду. – Ну, поднимайся давай, и обними меня уже, ты, здоровая тупая детина! – Я схватила его за руку, практически вытащив за диванчики, и обвила его руками, как будто мы были знакомы по меньшей мере со школы.

Он стоял истуканом, свесив руки по швам, а я продолжала обнимать его одной рукой. Другой же попыталась дотянуться до ближайшего бокала с шампанским, но он был слишком далеко.

Харрис аккуратно попытался отодвинуть меня от себя, бормоча, что я, должно быть, ошиблась. В ответ я плотнее прильнула к нему, рассчитывая достать до бокала. Все еще далеко.

– Эй! – воскликнул он, упершись спиной в стол. – Что ты...

Я скользнула рукой по его ягодицам. И сжала их. Он замолчал, его узкие глазки расширились от удивления.

О господи. Что я делаю?

– Точно, – сказал он с внезапным любопытством, как раз тогда, когда мои пальцы сомкнулись вокруг фужера. – Конечно, я помню.

Что-то твердое уперлось мне в живот, и сто процентов это была не пряжка ремня. Вот гад. Я быстро поменяла фужеры местами.

Затем я плюхнулась на пустое место и взяла ближайшее шампанское, с радостью создав нечто вроде временного барьера между нами.

– Можно к тебе присоединиться?

Харрис неловко переместился к сиденью и опустил на него, не отрывая тревожного взгляда от двери в туалет.

– Хм... Не знаю, если...

Я поднесла бокал к губам и разом осушила половину. Этого не хватило, чтобы смыть мерзкое ощущение от того, что я только что сделала, но шокированное выражение на лице Харриса сняло все напряжение.

Я поболтала шампанское в бокале.

– Ты же никого не ждал? – Я села, приложив свободную руку к груди. – О нет! Надеюсь, не ту бедняжку, что была в туалете. Она спорила с кем-то по телефону. С мужем вроде бы. Она была очень расстроена. Я видела, как она уходила через заднюю дверь.

Харрис помрачнел. Нахмурившись, он потянулся за своим фужером и осушил его, глядя рассеянно в направлении запасного выхода в конце коридора.

«Вот дерьмо», – подумала я, когда адамово яблоко Харриса дернулось на последнем глотке. Через сколько срабатывают эти штуки? Я поставила бокал на стол. Помада оставила четкий красный след на стекле, и мои отпечатки пальцев усеивали ножку фужера. Если он отрубится прямо здесь, а в больнице проведут токсикологическую экспертизу, я окажусь в очень, очень плохом положении.

– Эй, Харрис, – сказала я, с опаской глянув на ближайшие столики. Затем перегнулась через стол и зашептала: – Что скажешь, если мы уйдем отсюда? Куда-нибудь, в более... уединенное место.

Я дернула подбородком в сторону двери, на которую он смотрел, и с облегчением увидела, как по его лицу распространяется порочная улыбка. Я припарковалась за мусорными контейнерами, как можно дальше от входа и окон. В моей сумочке была записка Патрисии с адресом. Если бы я смогла доставить Харриса до своей машины, можно было бы отвезти его домой, чтобы он проспался. А потом я могу сжечь записку и забыть, что все это вообще было.

Харрис просигналил официанту:

– Счет, пожалуйста.

В ожидании счета он ослабил галстук, на лбу под волосами поблескивал пот, и он хмуро пощипывал себя за щеки.

– Итак, напомни мне, как мы познакомились?

– О, ну... – Я покопалась в памяти, пытаюсь восстановить данные из его профиля, но страх парализовал разум. Я не могла вспомнить название ни одной из групп, на которые он был подписан. – Мы были там... ну ты знаешь... работали над особенным делом, – сказала я пренебрежительно махнув рукой, – с финансовым холдингом... из Северной Вирджинии. – Я понизила голос до конспирологического шепота, надеясь, что Харрис заполнит пробелы сам: – Ну тем... я не могу...

– У тебя дела с Феликсом? – Он метнул тревожные взгляды на окружающее нас пространство.

– Да! – воскликнула я, хлопнув в ладоши. – Именно так мы и познакомились. У меня дела с Феликсом, – повторила я рассеянно, не отрывая глаз от туалетной комнаты, чертовски надеясь, что дама Харриса не выйдет оттуда.

– О, – сказал он, потирая грудь, будто у него была изжога. Было похоже, что его тошнит. – И какие именно у тебя дела с Феликсом?

Мои колени под столом дрожали.

– Ну, знаешь, разные, то одно, то другое.

Харрис помотал головой, его взгляд расфокусировался и стал стеклянным. Я пнула его под столом и жизнерадостно сказала:

– Харрис, не спи! – Я вытянула шею в поисках официанта. Сколько они еще будут нести этот чертов счет?

– Это было довольно крепкое шампанское, – сказал Харрис, его голова все время опрокидывалась. – Я себя чувствую... как-то неважно.

Его речь замедлилась, последние слова превратились в пьяную невнятицу. Он моргнул, его веки потяжелели.

– Как тебя зовут?

– Тереза.

– Точно, Тереза, – повторил он, когда наконец появился официант. Удерживая на весу поднос с напитками, он положил черную кожаную папку на стол и опять исчез. Подбородок Харриса опустился на грудь, и я порадовалась, что официант не остался поболтать.

– Пойдем, Харрис.

Я встала, убедилась, что никто не смотрит на нас, и заставила его встать на ноги. «Лаш» был полон, вокруг было слишком много тел, чтобы кто-нибудь мог что-то заметить, а Джулиан разливал напитки за барной стойкой. Харрис оперся на меня, а я вытащила из его заднего кармана бумажник, извлекла стодолларовую купюру и оставила ее на столе в уплату по счету. Я закинула руку Харриса на свое плечо и неуклюже повела его по коридору к освещенному знаку выхода, сумев распахнуть дверь достаточно широко, чтобы мы могли пройти вместе.

Пока мы добрались до парковки, Харрис заметно потяжелел. Мои ноги на каблуках подкосились, когда он уронил голову мне на плечо. Придав ему более вертикальное положение, я двинула нас к мусорному контейнеру, закладывая плавную кривую по направлению к тени моего минивэна, скрытого за ним.

На стоянке для сотрудников было темно и тихо, так что я прислонила Харриса к боковой двери, поддерживая его своим телом, чтобы он не упал, пока я достаю ключи из сумочки. Его руки беспардонно шарили по мне. Одна из них залезла мне под платье, и я отпрянула, когда неожиданно у меня в ухе оказался его влажный язык.

– О, Харрис. – Он продолжал лапать меня, несмотря на то что я отодвинулась. Тонем, полным сарказма, я добавила: – Да ты у нас шалунишка, не правда ли?

Я повозилась с брелком, и раздвижная дверь отъехала, едва не сбив Харриса с ног. Я поддержала его, когда он плюхнулся на пол перед сиденьем Зака; яблочный сок и крошки от рыбок тут же налипли на спину его дорогого костюма, а я продолжила запихивать Харриса внутрь, обещая, что если он как хороший мальчик заберется подальше и ляжет на пол, то отлично проведет время. Пока я заталкивала его, он рычал мне в ухо, не стесняясь в выражениях, о том, что он сделает со мной, если я залезу к нему, и большая часть этого заставила меня содрогнуться и задуматься над предложением Патрисии.

Затем наконец он погрузился в глубокий сон.

Я запихнула его ноги в машину и задвинула дверь. Где-то близко залаяли собаки, и я выглянула с другой стороны мусорного контейнера посмотреть на освещенную парковку, молясь, чтобы никто не увидел, что я только что сделала. Какая-то пара, держась за руки, зашла в бар. Несколько женщин курили у входа, но они не смотрели в мою сторону. Лай собак затих вдалеке.

Я поспешила к водительскому месту, одновременно пытаюсь откопать в сумочке свой телефон. Сначала я должна позвонить Патрисии. Убедиться, что она дома. Затем объясню, что произошло недоразумение, рассказав, что на самом деле она услышала в «Панере».

– Тереза! – Я застыла, когда прохладный голос прорезал тишину парковки.

Развернувшись, я увидела Джулиана, который направлялся ко мне, пересекая парковку. Он слегка улыбался и вращал на пальце ключи от машины, две верхние пуговицы на рубашке были расстегнуты, рукава закатаны до локтей, как если бы он только что закончил свою смену.

– Я надеялся, что ты еще здесь, – он прислонился к боковой двери моего минивэна, и я молча возблагодарила бога за темноту. А «Додж» – за тонированные стекла в минивэнах.

– Прости... мне очень, очень жаль, – я приложила ладонь ко лбу и заикалась, торопясь извиниться. – Я вовсе не хотела вот так раствориться в воздухе. И я не собиралась уезжать, не заплатив. Я просто...

– Эй, эй, эй, – мягко сказал он, выпрямляясь и делая полшага назад, подняв руки. – Тебе не нужно извиняться. Ты мне ничего не должна.

– Но «Кровавая Мэри»...

– На нее более чем хватило твоих чаевых, – сказал он, сохраняя комфортную дистанцию между нами. – Я только хотел удостовериться, что ты в порядке и способна доехать до дома. Я могу вызвать такси, – добавил он, давая понять, что это не просто уловка, – если тебя нужно подвезти.

– Спасибо, я в порядке. – Я стиснула зубы, чтобы не сболтнуть лишнего. Я была далеко не в порядке. В моей машине без сознания валялся извращенец, а в сумочке – долговая расписка от женщины, которая хотела, чтобы я его убила. И я определенно опаздывала забрать детей вовремя, что значило, что Джорджия скоро начнет меня искать. Я нажала на кнопку телефона, удивляясь, что она еще не обрывает провода.

– Могу я глянуть на твой мобильный? – спросил Джулиан. Я протянула ему телефон.

В Джулиане было что-то обезоруживающее. Некая мягкость в голосе, искренняя забота в глазах. Он открыл мои контакты и вбил свой номер.

– Вдруг понадобится, – пояснил он, возвращая телефон и засовывая руки в карманы. – Или... знаешь... вдруг надумаешь встретиться со мной как-нибудь.

Джулиан отступил от моей машины, его узкая талия превратилась в силуэт, сливавшийся с фонарем позади него. Он отлично смотрелся на фоне чернеющего неба, и не-такая-уж-маленькая часть меня жалела, что не осталась в баре потусоваться с ним, пусть даже я была слишком стара для него.

– У меня есть дети! – крикнула я ему вслед. – Двое.

Свет фонаря осветил его улыбку.

– Ничего не имею против минивэнов.

Я еле сдержалась, чтобы не рассмеяться в удивлении. Что, черт возьми, происходит и неужели это происходит со мной? Я забралась на водительское место и уставилась на его номер. Если меня не арестует сегодня дорожный патруль – или, еще хуже, моя сестра, – может быть, я как-нибудь позвоню ему.

С тяжелым вздохом я извлекла из сумочки измятую записку и набрала номер Патрисии. Слушая гудки через блютуз, я выехала на дорогу, ведущую примерно в сторону дома Миклеров. Наконец Патрисия ответила.

– Дело сделано?

– Вы дома?

Пауза.

– Да.

– Вы одна?

– Да.

– Слава богу. – Я потянулась к центральной полке за жвачкой. От меня несло, как от ликеро-водочного завода. – Ваш муж попытался накачать наркотиком какую-то женщину в баре. Я... То есть он случайно сам накачался. Он у меня, и я везу его домой, – сказала я, чувствуя необъяснимую связь с этой женщиной, которую я едва знала. Зато слишком хорошо познакомилась с ее мужем. Я вклинилась в крайнюю правую полосу, внимательно следя за тем, чтобы не превысить скорость.

– Нет! Ты не можешь привезти его сюда! – И с жаром продолжила: – Ты должна избавиться от него. Я тебе не заплачу, если ты не избавишься от него, как сказала... чисто!

– Я никогда не говорила, что могу делать что-то подобное. Вы подслушали разговор, смысла которого не поняли, – метнувшись на платную полосу, меня подрезала «Ауди». Я возмущенно просигналила, адреналин ударил в голову. Я посмотрела в зеркало, готовясь увидеть мигающие огоньки, и с облегчением обнаружила, что их нет. – Послушайте, то, что он мудака и гада, еще не значит, что он заслуживает...

– У тебя есть его телефон? – спросила Патрисия.

Ее вопрос оборвал мою речь на полуслове.

– Может быть. Не знаю. – Я точно знала, что у Харриса был бумажник. Когда в последний раз я видела его мобильный, он засовывал его в нагрудный карман пиджака. – Скорее всего, есть. А что?

– Найди его. Пароль «молочник». Посмотри фото. И позвони мне, когда дело будет сделано.

– Я не желаю смотреть на его...

Связь оборвалась. Выругавшись, я ударила по рулю. И что мне теперь делать? Ясно-понятно, если я нарисуюсь на пороге дома, Патрисия не откроет дверь. Если я выгружу Харриса во дворе, с моим везением кто-нибудь из соседей обязательно увидит это и сообщит полиции номер моего автомобиля.

Вот дерьмо. Вечер становился все лучше и лучше. Я съехала с платной дороги на парковку бизнес-центра и заглушила мотор. Подняв подлокотник, я попробовала перебраться на заднее сиденье, стараясь не проткнуть Харриса Миклера каблуками. «Ваша честь, прокуратура хотела бы представить вещественное доказательство со стороны обвинения номер один, правую туфлю – поддельную “Луи Виттон” – обвиняемой, также известную как орудие убийства». Я подавила смех, представив, как Джулиан будет меня защищать. Втиснувшись между детскими автокреслами, я выудила телефон Харриса из кармана пиджака. Экран был заблокирован. Вздрогнув, я набрала пароль.

Мой палец навис над иконкой «Фотографии». Учитывая то, что я знала о Харрисе Миклере, содержимое, в лучшем случае, будет неприятным, а в худшем – может добавить проблем. Или, по крайней мере, вызвать приступ тошноты.

Вопреки здравому смыслу я все равно нажала на кнопку. Несколько стандартных папок: «Фейсбук», «Инстаграм», «Твиттер», «Скриншоты», «Камера»... «Личное». Глядя сквозь пальцы, я открыла последнюю и удивилась, что в ней не коллекция грубого порно. Вместо этого обнаружилась коллекция пронумерованных папок. Тринадцать штук. Все с именами: САРА, ЛОРНА, ДЖЕННИФЕР, ЭММИ, МАРА, ЖАНЕТТ...

Я открыла первую папку и пролистала содержимое, сначала медленно, приближая экран, чтобы понять смысл изображений; Харрис неглубоко храпел рядом со мной. На всех была женщина; насколько я могла судить, это была серия уличных снимков, сделанных под странными углами, как будто снимали тайком. Блондинка в очереди в кафе. Та же женщина садится в машину. Еще один кадр – она толкает тележку с продуктами по парковке: на этом снимке хорошо видно ее лицо. Я узнала ее. Это была та самая женщина, которую я облила томатным соком в баре.

Харрис Миклер был сталкером.

Если бы это случилось однажды, я могла бы понять, но были и другие. Так много других.

Я закрыла эту папку и открыла следующую. У меня перехватило дыхание.

Первые снимки в этой папке были того же характера, что в предыдущей, – несколько десятков снимков, сделанных исподтишка. Но остальные фотографии в этих двенадцати папках не были столь мирными: сначала Харрис позировал с этими женщинами, как будто у них свидание, в обстановке, похожей на сегодняшнюю в баре. Затем шли кадры с теми же жен-

щинами в различных откровенных позах – обнаженные, с закрытыми глазами, с застывшими лицами, а он трогает, целует и насилует их, а их сверкающие обручальные кольца тщательно запечатлены на каждом снимке.

Тошнота подступила к горлу, пока я пролистывала бесчисленные снимки этих двенадцати женщин, за которыми Харрис Миклер сначала следил, а потом приглашал на встречи в ресторанах; все они были немного похожи внешне и телосложением. Мысль о том, что он их всех накачал наркотиками и изнасиловал, была отвратительна. Последний снимок в каждой из двенадцати папок был ужасающе интимный, а сверху снимка шла надпись. «Будь благоразумна и делай то, что я скажу, или я покажу эти снимки твоему мужу и опишу ему все в красках».

Кусочки головоломки встали на свои места. Он шантажировал их. Шантажировал, уверенный, что они будут молчать. Харрис вел охоту на замужних женщин с детьми. Успешных женщин, с богатыми мужьями, у которых были средства и положение в обществе, таких, которым он мог разрушить всю жизнь. Он намеренно делал фотографии, вводящие в заблуждение, заставляющие предполагать, что он встречался со своими жертвами и секс был по обоюдному согласию. А на самом деле Харрис был больной изворотливой акулой; он предпочитал, чтобы его жертвы отключались на заднем сиденье его машины.

Я облокотилась на сиденье и уставилась на телефон Харриса. Затем на записку. Патрисия была права. Я не знала, куда его повезу, но я точно не собиралась возвращать этого монстра в дом Патрисии Миклер.

Глава 8

Было около десяти, когда я резко затормозила на подъездной дорожке.

Я все еще понятия не имела, что делать с Харрисом Миклером.

Я сидела в машине, костяшки пальцев на руле побелели; пока дверь гаража поднималась, двигатель работал на холостых. Я заехала в гараж; свет фар отразился от панели для инструментов, отбрасывая жуткие тени на внутреннее пространство.

Все шло не так.

Бессознательный кракен на полу моего минивэна – вот что было не так.

Я должна позвонить Джорджии и все ей рассказать. Она должна знать, что делать. И она с большой вероятностью никому не позволит засадить меня за решетку, потому что иначе она будет обречена еще долго приглядывать за моими детьми.

Я вышла из машины. Пробираясь через узкий зазор между бампером и верстаком Стивена, я прикрыла собой свет от фар, гудящий двигатель обдал теплом мои ноги. Опустилась ночная прохлада, и плотные белые облачка выхлопных газов из минивэна клубились по подъездной дорожке в направлении дома миссис Хаггерти. Окна ее кухни были напротив, через улицу; свет не горел, и я вознесла безмолвную молитву, благодаря бога, что всюду сующая свой любопытный нос соседка уже легла спать.

Я распахнула дверь на кухню. Из сваленной в раковине посуды пахло намокшими остатками вафель, и беспроводной телефон все еще лежал в лужице сиропа, в точности там, где я его оставила. Нажав кнопку повтора, я приложила телефон к уху и, считая гудки, скользнула по двери вниз, в темноте, потому что боялась включить свет.

– Финн? – Зак заливался на заднем фоне. Я ущипнула себя за лоб.

За годы бессонных ночей, методом проб и ошибок, я научилась понимать язык плача своих детей.

– Не можешь уложить его спать, да?

– Что я делаю не так? – спросила слегка запыхавшаяся Джорджия. Она была способна действовать хладнокровно в ситуации с захватом заложников, но детские вопли явно выбивали ее из колеи.

– Ничего. Он просто переутомился, – ответила я, массируя ладонями глаза. Забавно, как крик вашего малыша может вышибить все остальные мысли из головы.

– Тогда почему он никак не заснет?

– Потому что ему два года. Слушай внимательно мои инструкции, – сказала я голосом человека, который ведет переговоры об освобождении заложников, надеясь, что это успокоит Джорджию и заставит ее сосредоточиться. – Его одеяло далеко?

Ее шарканье заглушалось воплями Зака.

– Оно у меня.

– Оберни Зака в одеяло и прижми его к себе. Затем положи ему в рот пустышку. Поглаживай его по спине, придерживая соску пальцем.

– Я не осьминог.

– Ну или пусть кричит, пока я не приеду.

– Через сколько ты будешь?

– Зависит от обстоятельств.

– От каких?

Я уронила голову на колени.

– Как долго крупный мужчина будет в отключке от рогипнола?

В молчание Джорджии вклинилось жалобное хныканье Зака.

– Не поняла.

– Исследование. Для книги.

– Мне казалось, ты сказала, что у тебя вечером важное дело.

– Это важное дело.

И почему все считают, что моя работа – это не важно?

– Я застряла на одном месте.

– Рогипнол? – пробормотала она. – Зависит от размера мужчины и дозы наркотика.

Может, пару часов. А может, всю ночь.

В телефоне потрескивало, пока Джорджия укутывала Зака в одеяло, затем в дело пошла соска, и плач прекратился. Еще потрескивание.

Зак засопел.

– Ладно, похоже, это работает.

– Итак, если бы ты была героиней романа и накачала наркотиками реально кошмарного мужика, который творит реально кошмарные вещи...

– Например?

– Незаконные вещи.

– Мы говорим о правонарушениях или о тяжких преступлениях?

– Определенно о тяжких преступлениях. И, предположим, он лежит в отключке в багажнике твоей машины. Что бы ты с ним сделала?

– А ты можешь доказать, что он совершил эти тяжкие преступления?

– Это имеет значение?

– Конечно, это имеет значение, – ответила она тоном, означающим, что этот ответ очевиден. – Если у твоей героини есть доказательства, она должна доставить его в полицейский участок и отдать эти доказательства детективу. И пусть с ним разбираются профессионалы.

Я подняла голову, поморгала в темноте. Фотографии в телефоне Харриса. У меня было физическое доказательство, что он тайком фотографировал, а потом шантажировал женщин. И я видела, как он пытался накачать наркотиком одну из них, что могло быть косвенным подтверждением того, что и другим он тоже подсовывал наркотики, а это означает, что он на них нападал. Я могла просто сдать его в полицию и выдать им его телефон. Черт, я могла бы отвезти его Джорджии и сдать его ей вместе со смартфоном. Мне даже не нужно рассказывать о записке Патрисии. Просто скажу ей, что была в баре, заметила, что он пытается накачать кого-то, и подменила его бокал.

– Могу я... Могут у моей героини быть проблемы, если она накачала его?

– Зависит от обстоятельств. Преднамеренно? Незаконные наркотики? Возможно.

– Мы говорим о больших проблемах или о маленьких?

– Это важно? Это же художественная книга.

– Конечно, важно! Я люблю аккуратность в деталях.

Джорджия вздохнула.

– Ну, если она сама сдастся, прокурор отнесется к ней мягче и предложит сделку.

Я села. Вот оно. Я могла сдать Джорджии. У нее будет выбор – арестовать или отпустить меня, и она определенно выберет отпустить меня. Альтернативой было бы остаться с детьми до тех пор, пока кто-нибудь не внесет за меня залог, а она не стала бы возиться с детьми ни минутой дольше, чем это было бы абсолютно необходимо.

– Так ты приедешь забрать Зака и Делию теперь, когда мы решили твои выдуманные проблемы?

Зак уснул. Я могла слышать его почти бесшумное детское посапывание поверх тихого гудения машины в гараже и отдаленного лая соседских собак внизу по улице.

– Да, – ответила я. – Уже заканчиваю. Скоро буду.

Джорджия отсоединилась. Я положила телефон на пол. Там все еще валялись налипшие на сироп отрезанные прядки волос. Каким-то образом день из плохого превратился в очень

плохой. Я не продвинулась ни в написании книги, ни в том, чтобы заработать денег и оплатить счета. И как только будет составлен полицейский рапорт, у Стивена и Терезы появится еще один повод выставить меня никуда не годным родителем. То, что монстр вроде Харриса Миклера больше не разгуливает по улицам, а упрятан за решетку, не будет иметь никакого значения. Я была в баре в парике и украденном платье, пропивая деньги, выданные мне бывшим мужем на бензин. Я накачала наркотиком человека, а потом похитила его на семейной машине.

Или...

Я могла бы сделать так, чтобы Харрис Миклер исчез, молиться, чтобы Патрисия Миклер не солгала насчет денег, и надеяться, что я настолько везучая, что меня не поймают.

Я встала на ноги, смахнула со спины вафельные крошки. Отнесла наверх туфли на каблуках и парик, переделалась в чистое белье и удобную одежду – на случай, если меня все-таки арестуют. Тщательно вычистила зубы, чтобы избавиться от привкуса бара, вымыла слюну Харриса из уха, стерла макияж с лица. Сделав это все, я встала напротив зеркала в ванной и глубоко вдохнула, готовясь к тому, что мне предстояло совершить. Я собиралась сдать своей сестре Харриса Миклера – и свое заявление.

Потому что, будем смотреть правде в глаза, я точно не самая везучая личность из тех, что мне известны.

Глава 9

Я с трудом спустилась по лестнице – ноги отказывались идти. Перед дверью в гараж я остановилась, прислонилась к ней лбом и в который раз принялась убеждать себя, что поступаю правильно.

Смирившись, я открыла дверь. Воздух с той стороны оказался разреженным и горячим, он обжег мне горло, словно горячий пунш. Я закашлялась, отгоняя от себя выхлопные газы. В замкнутом пространстве гул минивэна казался оглушительным, но я поспешила открыть дверь на улицу, а уж потом выключила зажигание.

Воцарилась тишина. Со двора дул свежий и прохладный ветерок, и, пока концентрация выхлопных газов сходилась на нет, я прислонилась к капоту, костеря себя за то, что оставила эту проклятую штуку работать. Голова слегка кружилась, возможно, я была немного пьяна после водки с тоником и шампанского, которые выпила на пустой желудок; во всяком случае, казалось правильным подождать пару минут, пока в голове не прояснится и гараж не проветрится. Хотя, если быть честной, я просто пыталась оттянуть неизбежное. Я не хотела сдавать Харриса Миклера сестре, так же как не хотела его убивать. По правде говоря, я никогда больше не хотела иметь дел ни с Патрисией, ни с Харрисом Миклером...

О нет.

Из головы выветрились последние капли тумана, и я резко выпрямилась.

Я оставила Харриса Миклера в машине.

Я побежала к двери со стороны пассажиров и открыла ее; он был в точности там, где я его оставила, и я не знаю, какое чувство было сильнее – облегчение или ужас.

– Харрис? – Я потрясла его за ногу. – Харрис, ты в порядке?

Перебравшись через кресло Зака, я встала на колени и ударила Харриса по лицу. Ничего не случилось. Тогда я ударила сильнее. Его щека была немного теплой, такой же, как моя рука, но я была уверена, что мое сердце прекратило биться около тридцати секунд назад. Я снова позвала его по имени, не представляя, что буду делать, если он откликнется.

Я не знала, что хуже: находиться на заднем сиденье машины с мертвым серийным насильником, которого я похитила, или находиться на заднем сиденье машины с очень сердитым проснувшимся серийным насильником, которого я похитила.

Я приложила два пальца к его шее, пытаясь нащупать пульс и почувствовала... ничего не почувствовала, но это могло означать, что я что-то не так делаю или... о-о-о...

Нет, нет, нет...

Я приложила ухо к его груди. Никакого движения. Перегнувшись через переднее сиденье за сумочкой, судорожно достала косметичку и сунула открытое зеркальце Харрису под нос. Стекло не запотело, и я опустила на пятки.

Определенно, Харрис Миклер был не совсем в порядке.

«Вот дерьмо», – внезапно я протрезвела и голова заработала. «Что бы сделала Джорджия? Что бы сделала Джорджия?» Джорджия арестовала бы меня. Или пристрелила бы. Вот что она бы сделала. Из меня вырвался истерический смех. Шок. Я была в шоке. Только так это можно было объяснить. «Это был несчастный случай. Убийство по неосторожности – самый щадящий вердикт. Ничего страшного, правда», – лепетала я, мое дыхание участилось.

Правда, когда они обнаружат, что я накачала его наркотиками, привезла к себе домой, а затем оставила в гараже с включенным двигателем, это будет не очень похоже на несчастный случай. Или когда они найдут в моей сумочке заказ на убийство от его жены.

– Нет. Нет, нет, нет! Ты не можешь умереть! – заорала я на безжизненное тело своим самым властным тоном мамочки. Потому что этот день физически не мог стать еще хуже. Втиснувшись в пространство между детскими автокреслами, я неловко склонилась к телу Харриса.

Чувствуя более чем легкое отвращение, я одной рукой зажала ему нос, а другой потянула вниз за подбородок. Его рот послушно приоткрылся. От него несло «Пьяными оливками» с чесноком и сырной закуской, и меня едва не стошнило. Закрыв глаза, я приложила рот к холодеющим губам Харриса, сделав три быстрых вдоха в его рот.

Но это было бесполезно. Не хватало места. Я не могла найти правильное положение, и воздух не попадал внутрь. Мне казалось, что я целуюсь с мертвым парнем, а не пытаюсь его оживить, по крайней мере, ощущения были примерно такие же, как со Стивеном последние пару раз до развода.

Видимо, и тогда я уже не могла ничего сделать.

Я выкарабкалась из машины, схватила Харриса за тонкие кожаные мокасины, уперлась пятками в пол и потянула. Его тело было словно налито свинцом, дорогой костюм цеплялся за щетину машинного коврика, потрескивая электрическими искорками.

– Давай, Харрис, садист хренов! – Я упиралась всем весом, но мне понадобилось три сильных рывка, чтобы сдвинуть его с места. Его зад навис над бортиком, и я, приложив все силы, потянула снова.

Его задница соскользнула вниз, а за ней и остальная часть туловища; при этом череп с громким треском чпокнулся о боковину машины. Я вздрогнула, когда он наконец гулко приземлился на бетон.

Я выпустила ноги Харриса из рук. Подошвы его выходных мокасин стукнулись об пол. Я опустила на колени и наклонилась над его ртом, ругая себя последними словами. Неожиданно позади себя я услышала:

– О черт! Простите, мисс Донован, я не знала, что вы дома. Я только пришла забрать мои...

Я вскинула голову от испуганного возгласа Ники.

Няня моих детей стояла в дверях кухни, держа в руках картонную коробку. Я свирепо вытерла губы рукавом и поднялась на ноги. При виде Харриса ее накладные ресницы широко распахнулись.

– Ника? Что ты здесь делаешь?

– Что вы здесь делаете? – спросила она в ответ, украдкой бросая подозрительные взгляды на мертвеца за моей спиной.

– Сначала ты скажи. – Я уперла руки в бока, пытаюсь так выпрямиться, чтобы заслонить собой Харриса.

– Почему?

– Потому что это мой дом.

Ну или вроде того. На самом деле дом был Стивена, с тех пор как после развода он взял на себя все обязательства по ипотеке, а мне сдавал его в аренду. Но едва ли это было важно в данный момент.

– Как ты вошла?

– Через дверь. Открыла своим ключом. Вы же сказали, что вас не будет дома, вот я и пришла забрать свои вещи. – Подтянув коробку выше по бедру (топ задрался чуть не до середины живота), Ника попыталась заглянуть мне за спину. – Это кто?

– Кто?

Она указала подбородком на туфли Харриса.

– А, это? – Загородив ей обзор, я почесала шею, которая зудела от пота. – Это просто... кое-кто, кого я встретила... в баре.

Ника наклонилась вбок и заглянула мне за спину, сделав маленький шаг вперед. Ее челюсть отвисла. А голос прозвучал выше на октаву и сорвался:

– Он мертв?

– Нет! – Мое лицо исказила нервная гримаса, и я прижала руку к щеке, чувствуя, как к лицу приливает кровь. – Не мели чепуху. С чего ты это взяла?

– Потому что он выглядит как мертвец!

Я рискнула посмотреть на Харриса. Его губы были фиолетовыми, а кожа – странного серо-голубого оттенка. О господи.

Ника сделала шаг в сторону, подальше от меня, к стене.

– Знаете что? Это не важно. Я, пожалуй, пойду.

Она нажала на кнопку, открывающую дверь гаража. Мотор зажужжал, но дверь не двинулась с места.

– Подожди! Я могу все объяснить.

– Нечего объяснять, – настойчиво произнесла она, снова пробуя нажать кнопку, на этот раз сильнее, а ее взгляд метался между мной и дверью гаража. – Я ничего не видела. Я ничего не знаю. Мне вообще плевать на этого мертвого парня, – сказала она под аккомпанемент жужжащего мотора.

– Пожалуйста, – сказала я. Она вдавила большим пальцем кнопку, ругаясь на заклинившую дверь. – Ника, – я понизила голос, стараясь сделать так, чтобы он не дрожал. – Я представляю, как это выглядит, но это не то, что ты думаешь. Этот мужчина – нехороший человек. Он совершал разные плохие поступки.

– Кажется, не он один. – Мотор заглох, Ника попятилась по направлению к кухне, бормоча что-то себе под нос и озираясь вокруг, вероятно, в поисках какого-нибудь оружия. – Знаете что? Вы оба ненормальные. Вы и ваш муж.

– Бывший! – открестилась я. – Бывший муж!

– Отлично! И ваш бывший муж. Все равно. Вы оба того! – Она выставила коробку между нами, будто щит. Из груди всякой всячины высунулась знакомая ручка из нержавеющей стали.

– Эй! – Я показала на свою любимую сковородку с антипригарным покрытием. – Она моя! Ты что с ней собралась делать? – Я потянулась к ручке, но Ника выхватила сковородку, а коробка с оставшимся содержимым упала на пол. Ника встала в стойку, выставив сковородку, будто дубинку.

– Это компенсация, – сказала она вызывающе, весь ее вид словно говорил «ну-ка подойди поближе».

– Ты решила, что если мой бывший уволил тебя, ты имеешь право на мою посуду?

Она замахнулась сковородкой, и я отпрыгнула назад, едва не споткнувшись о тело Харриса.

– Ваш муж не увольнял меня, я сама ушла!

– Сама?

Я дотянулась до верстака и зашарила по его поверхности, пытаюсь найти отвертку или молоток. Что-нибудь, что можно было бы противопоставить моей любимой тефлоновой сковородке. Пальцы сомкнулись на рукоятке того самого розового совка, и я подняла его перед собой, перемещаясь бочком по периметру гаража подальше от Ники.

– А я-то думала, что ты хорошо относишься к моим детям!

– Я люблю ваших детей!

– Если ты их любишь, тогда как ты могла уйти?!

– Потому что, когда я пришла к вашему бывшему домой за чеком, он заявил, что заплатит, только если я пересплю с ним!

Мои руки ослабли. Совок выскользнул и упал на пол с гулким стуком.

Я засмеялась, сначала тихонько, затем громко, сквозь болезненный комок в горле, только чтобы не расплакаться.

– О... Это так похоже на Стивена... – Я опустила на деревянную ступеньку у входа на кухню. – Знаешь что? Забирай чертову сковородку.

Она действительно натерпелась. Она заслужила ее. Я спрятала лицо в ладонях, собственное дыхание мерзко воняло водкой и запахами изо рта Харриса Миклера.

– Ты права. Мы оба того, – пробормотала я, смахивая слезу.

Вероника покосилась на меня. Затем, соблюдая безопасную дистанцию, словно боясь сделать резкое движение, осторожно собрала выпавшие вещи обратно в коробку. Затем медленно встала, зажав коробку под мышкой. Мне было все равно, сколько там было моих вещей. Какая разница? В любом случае я потеряю все.

– Я была так глупа, когда думала, что смогу это сделать, – сказала я, когда она на цыпочках двинулась к двери гаража. Одной рукой она приоткрыла ее на несколько дюймов, другой рукой придерживая коробку.

Великолепно. Дверь сломалась. Еще одна вещь, которую Стивен смог бы сделать, а я – нет. И сейчас, чтобы ее починить, мне придется заплатить какому-нибудь мастеру.

Я покачала головой, мысленно добавляя еще один счет к стопке на крыльце.

– Если бы Стивен не был таким мудаком, я бы не стала об этом думать, – сказала я вслух сама себе. – Я никогда бы не пошла в этот бар и не привезла бы домой этого уродца. Но разве я виновата? Любой на моем месте поступил бы так же, если на кону семьдесят тысяч долларов.

Рука Ники замерла, удерживая дверь на уровне коленей.

– Что ты сказала?

Я подавила мрачный, отчаянный смех. Она уже и так думала, что я спятила. На полу моего гаража лежал мертвец, а сейчас я говорила сама с собой.

– Говорю, что ты была права. Мой бывший – мудака. Прошу прощения за все, что он сделал.

Дверь упала, грохот эхом отразился от стен. Я подняла голову, ожидая увидеть, что Ника ушла, но она все еще была здесь, обнимая коробку.

– Насколько плохие? – Ее любопытный взгляд метнулся к телу Харриса. Ее хвост закачался, когда она мотнула подбородком. – Ты сказала, что он совершал плохие поступки. Так насколько?

– Реально плохие.

– На семьдесят тысяч долларов?

Ника сжала пальцы на ручке сковородки, когда я медленно поднялась. Я подошла к машине и выудила из-под сиденья телефон Харриса. Развернув экран, я открыла его фотоальбом и держала телефон так, чтобы она могла видеть изображения.

– Что это?

Она села на коробку и взяла у меня телефон, все еще отгораживаясь сковородкой. Я рассказала ей все... о встрече с Сильвией и о беседе, которую подслушала Патрисия Миклер. О том, как она подбросила мне записку, и о том, что я увидела в баре. На лице Ники отражалась смесь ужаса и отвращения, пока она перелистывала изображения.

– Я не собиралась делать ничего такого, – объясняла я. – Я следила за ним только потому, что мне хотелось узнать, почему его жена хочет, чтобы он умер. Я пыталась ей объяснить, что она нашла не того человека, но потом я увидела, что он подбросил наркотик в стакан той женщины, и следующее, что я сделала...

– Ты убила его.

Я поморщилась.

– Случайно.

Она протянула мне телефон Харриса.

– Что будешь делать?

– Я собиралась отвезти его моей сестре, но потом...

Я глянула вниз на Харриса. Я приняла решение отвезти его Джорджии, когда он еще дышал. Прежде, чем я узнала, что он умер.

– Если я объясню полиции, что это была случайность, все может выйти не так уж плохо, да? Я же не убивала его. Меня могут обвинить лишь в непредумышленном убийстве.

– Не знаю, Финли, – Ника опустила сковородку. – На фоне происшествия с пластилином все это выглядит довольно подозрительно.

Ника была права. У полиции имелись обвинения Терезы в мой адрес. Я хотела только насолить ей, испортив ее машину, и совершенно не собиралась причинять вред ей самой, но для полиции все может выглядеть так, будто я специально использовала свою машину, чтобы отравить Харриса угарным газом. Особенно учитывая, что я выследила его, накачала наркотиками и привезла домой.

Я фыркнула и судорожно выдохнула, представив, через что мне предстоит пройти.

– Делия и Зак сейчас у Джорджии. Если я пойду в полицию и меня арестуют, ты поможешь ей с детьми? – Ника кивнула. Уголки ее полных губ опустились. – Думаю, я должна сообщить Патрисии, что он...

Мы обе посмотрели на пепельно-серое лицо Харриса. Если я все расскажу полиции, Патрисию могут обвинить в преступном сговоре с целью совершения убийства. Ее могут посадить за это вместе со мной. Самое меньшее, что я могла сделать, – это честно предупредить ее. Дрожащими руками я достала свой телефон и набрала ее номер.

– Дело сделано? – спросила она с отчаянием, которое я наконец-то понимала. Харрис был ужасным человеком. Я не могла винить ее в том, что она желала ему смерти.

– Да, но, кажется, произошло недоразумение. Я не...

– Ты избавилась от тела?

– Нет. Это как раз то, почему я звоню. Я не могу...

– Ты должна, – настойчиво сказала Патрисия.

– Я собираюсь пойти в полицию.

– Ты не можешь пойти в полицию!

– Вы не понимаете. Я не собиралась этого...

– У тебя есть дети, не так ли?

У меня перехватило дыхание. Ее тон изменился, стал жестким.

Ника обеспокоенно нахмурилась, увидев, как осунулось мое лицо. Она наклонилась к телефону, чтобы лучше слышать.

– Почему вы спрашиваете меня об этом?

– Та сумка для мам, с которой ты была в «Панере». Внутри были детские влажные салфетки. Я видела их. Если ты любишь своих детей, ты избавишься от тела.

– Или что? – Мы с Никой посмотрели друг дружке в глаза.

– Или полиция будет самой меньшей из твоих проблем. Мой муж был связан с очень опасными людьми. И если они обнаружат, что мы сделали, они придут за нами. Они найдут нас и убьют. Им не важно, будем мы за решеткой или нет. У них глаза и уши повсюду, во всем городе. У них есть друзья на самом верху. Ты и твои дети никогда не будете в безопасности. Они не должны узнать. Никто не должен узнать. Ты поняла меня?

– Что это за люди? – спросила я.

– Поверь, для тебя будет безопаснее не знать этого. – Я ей поверила. Я поверила ее прерывающемуся голосу; все говорило о том, что она боится этих людей так же сильно, как боялась своего мужа. Может, даже больше. – Избавься от тела сегодня же. Все равно как. Просто сделай так, чтобы его никто не нашел. Это единственный вариант, при котором мы будем в безопасности. Не звони мне, пока не сделаешь это.

Звонок прервался.

Онемев, я убрала телефон от уха.

– Ты думаешь, это все правда... об этих людях, что придут за тобой? – Глаза Ники были широко распахнуты.

– Не знаю, – сказала я севшим голосом. Но я не была уверена, что хочу рисковать. Не своими детьми. Не своей жизнью.

Довольно долго мы обе молчали.

– Предположим, тебя не поймают; она все еще собирается заплатить тебе?

– Наверняка.

Ника походила по гаражу. Размышляя, она скрестила руки и барабанила ногтями по предплечью.

– А ты разбираешься в этом? Имею в виду, ты же пишешь о всяком таком книги?

– Да, но...

– То есть ты знаешь, как избавиться от тела.

Ника остановилась. Она вопросительно подняла свою тонкую бровь, когда я не ответила. Я знала, как избавиться от вымышленного тела, но тело на полу моего гаража было самым что ни на есть настоящим.

– Думаю, да.

Напряжение ушло из ее плеч, будто она приняла какое-то решение.

– В таком случае, пятьдесят процентов. – Она сложила руки на груди. Я открыла рот от удивления. – Я помогаю тебе избавиться от тела, и мы все делим. Пятьдесят на пятьдесят.

Что происходит? Няня моих детей всерьез предлагает мне помощь в том, чтобы спрятать концы в воду?

Определенно что-то пошло не так.

Раздраженно закатив глаза, она сказала:

– Ладно. Возьму сорок, но ни пенни меньше. Но я хочу обратно свою работу. Плюс сорок процентов со всех остальных совместных дел.

– Со всех остальных? – зашипела я. – Что ты имеешь в виду под «остальными»?

– Мы что, будем всю ночь спорить? – Я промолчала, и она уперла руки в бока, барабанила ногтями по талии. – Мы работаем вместе или нет?

Вместе.

Все шло не так. С *нами* было не все в порядке. Но «вместе» звучало намного лучше, чем «в одиночку». Ника протянула руку. Когда я пожимала ее, моя рука тряслась. Ее тоже. Ника наклонилась и положила мою сковороду обратно в коробку. Затем вытащила за горлышко бутылку бурбона, открутила пробку, сделала глоток и, поморщившись, протянула бутылку мне.

– Бурбон тоже мой, – сказала я, выхватив бутылку из ее рук, и мы обе сползли вниз по двери минивэна.

– Только шестьдесят процентов, – ответила Ника.

Делая глоток, я бросила на нее колкий взгляд.

– Наверное, мне стоит переехать к тебе, – продолжила она. Я поперхнулась, забрызгав бурбоном рубашку. – Не волнуйся. Я займу спальню поменьше.

Я отхлебнула еще. Бурбон обжег внутренности до самой печени.

Когда я открыла глаза, Харрис Миклер все еще был там, мертвый на сто процентов; Ника все еще сидела возле меня на полу, рядом с украденной кухонной утварью, которая теперь была моей в лучшем случае только на шестьдесят процентов, и я не сомневалась, что мы проведем следующие сорок процентов наших жизней в тюрьме, если не найдем способ повернуть задуманное.

Глава 10

В романах все сводится к занавеске для душа. Крутой коп, пядь за пядью перерывающий место преступления в поисках улик, сразу же заметит вопиющее отсутствие занавески. Потому что люди пользуются занавесками для душа. Им *нужны* занавески для душа. И если вы оказались в поле внимания при расследовании убийства, а у вас нет занавески для душа, можно сразу звонить в 911, надев на себя наручники. Вот почему я заворачивала тело Харриса Миклера в свои лучшие шелковые скатерти.

Это был подарок моей двоюродной тетушки Флоренс на нашу со Стивеном свадьбу восемь лет назад, и я до сих пор ни разу ими не воспользовалась. А если учесть, что полгода назад я продала мебель из столовой в онлайн-магазине, чтобы расплатиться за минивэн, то я была уверена на все сто, что, если какой-нибудь шустрый полицейский придет ко мне с обыском, он точно не заметит их отсутствия.

Мы с Никой расстелили бордовую ткань на полу гаража возле Харриса. Затем Ника взяла его за руки, а я за ноги. Мы дружно приподняли его на несколько дюймов и с размаху опустили в середину скатерти.

Будто сэндвич в кусок целлофана, я обернула ноги Харриса, загнув скатерть с двух сторон.

Затем, нещадно бранясь и потратив немало усилий, мы превратили Харриса Миклера в гигантский буррито с начинкой из трупа.

– Ноги торчат, – пропыхтела я, когда мы делали последний оборот.

– Хорошо хоть не голова.

Хвост у Ники растрепался, а на груди выступил пот. Она была моложе меня почти на десять лет и в гораздо лучшей форме. Когда я наклонилась, оперевшись на колени, чтобы отдышаться, мои мышцы кричали от боли.

– Зачем ты это делаешь? – спросила я, едва переводя дыхание. Она была молода, одинока, умна. Когда она получит диплом, у нее вся жизнь будет впереди.

– Мне нужны деньги.

– Для чего?

– У меня студенческий кредит.

Мое дыхание все еще не выровнялось, я уперла руки в бедра и посмотрела на нее.

– Давай проясним ситуацию. Ты помогаешь мне избавиться от *тела*, чтобы заплатить за учебу?

– Конечно, ты слишком *старая*, чтобы помнить, сколько стоит степень бакалавра, – горько сказала она.

– Я не слишком старая. Просто я... мне никогда не приходилось об этом беспокоиться.

– Ну а я буду платить проценты до пятидесяти лет.

– Это если нас вперед не арестуют.

Мы одновременно посмотрели на неаппетитную энчиладу на полу. Мы бы уже не стали разворачивать Харриса обратно – сил, чтобы завернуть его второй раз, у нас не хватило бы, – но сейчас он был слишком громоздким, и ноги болтались.

Порывшись в содержимом старого верстака Стивена, в банке с ржавыми гвоздями я обнаружила амортизирующий трос. Крючок на одном конце отсутствовал, наверное, поэтому, уезжая, Стивен не забрал его. Я обернула трос вокруг лодыжек Харриса и завязала узел, оставив единственный выживший крючок свободно висеть.

– Мне нужно забрать детей от сестры, – сказала я, боясь посмотреть на часы.

Ника показала на Харриса.

– А с ним что будем делать?

Я не могла положить его в свою машину – в ней предстояло везти детей. Но и оставить его на полу посреди гаража я тоже не могла – ведь они могли увидеть его, выйдя из машины.

– Положим его к тебе в машину.

– Ко мне в машину? – Глаза Ники широко распахнулись, она отшатнулась, и хвост закачался из стороны в сторону. – Почему ко мне?

– Потому что у тебя есть багажник. Все знают, что мертвые тела перевозят в багажнике. И не смотри на меня так. А что ты хочешь, чтобы я сделала? Пристегнула его к креслу Делии? У него ботинки торчат!

Доставая ключи из кармана, Ника выругалась на испанском. Мы выскользнули через боковую дверь, и я засела в кустах рододендрона наблюдать за окнами соседей. Ника тем временем доползла до своей «Хонды» и сдала задним ходом по улице, прижав машину к двери моего гаража. Мы погасили свет на крыльце и внутри гаража и при тусклом свете фонаря у подъездной дорожки вместе открыли сломанную дверь гаража и попытались подтащить Харриса Миклера к багажнику.

– Мне кажется, он стал тяжелее, – с трудом переводя дух, сказала Ника после третьей попытки сдвинуть его с места. Мои руки покраснели и вспотели от усилий. Волосы выбились из узла и прилипли к потной голове.

– Как ты в одиночку затащила его в минивэн? – спросила она.

– Заманила его, пообещав секс, – пропыхла я. Ника скептически подняла бровь. Ясное дело, в образе убийцы-любительницы-в-легинсах я выглядела не лучшим образом. Я закатила глаза и, хмыхнув, добавила:

– Он был под действием наркотиков, ясно?

Ника фыркнула.

Хотя, она была права. Должен был быть более легкий способ засунуть тело в багажник.

– Возьми-ка скейтборд Делии, – сказала я, указав на ярко-розовую пластиковую доску, прислоненную к дальней стене. Хотя, более вероятно, это бурбон говорил за меня.

Ника подкатила скейтборд к Харрису.

– Ты взяла эту идею из своих книг?

– Не совсем.

Я точно знала, что видела такое в одной из серий мультсериала «Сид – маленький ученый». Но сейчас мне было все равно, лишь бы все сработало.

На счет «три» мы погрузили Харриса на доску и покатали его к открытому багажнику.

Используя бампер как рычаг, а голову Харриса как противовес, дюйм за дюймом, страшно ругаясь и проклиная все на свете, нам удалось запихнуть его внутрь. Когда все было готово, я прислонилась к заднему крылу «Хонды», обливаясь потом и испытывая странное чувство выполненного долга.

Ника взяла розовый совок с верстака и кинула его сверху на тело.

– Зачем совок? – спросила я, когда она захлопнула багажник.

– Ну, надо же его чем-то закапывать. – Ника пожалала плечами и села в машину.

Глава 11

«Когда мы сможем отправить ее обратно?» – по словам родителей, это был первый вопрос, который задала Джорджия в тот день, когда я родилась. Она никогда не просила сестренку, и в ее оправдание стоит добавить, что тогда ей было всего четыре года. Но этот вопрос определял наши отношения до тех пор, пока Джорджия не уехала из дома, поступив в полицейскую академию.

В детстве я всегда была «плохишом» – единственным человеком в доме, на кого Джорджия всегда могла показать пальцем, если что-то шло не так. Но потом Джорджия стала полицейской, и неожиданно у нее будто закончились пальцы, чтобы показывать ими на меня. Теперь плохиши были повсюду, и по сравнению с ними я уже не была такой уж плохой.

Но не в этот раз, когда я стояла у дверей квартиры старшей сестры, воняя водкой, потом и слюной Харриса Миклера, отчетливо сознавая, что его тело, возможно, уже медленно разлагается в багажнике машины Вероники. Я надеялась, что Джорджия, увидев меня, так обрадуется, что ничего не заметит.

Она открыла дверь, Зак примостился у нее на плече.

Передавая мне малыша, она замерла, как только я потянулась за ним. И сморщила нос.

– Мне казалось, ты сказала, что будешь работать.

Чертов полицейский нюх. Нос Джорджии вполне мог бы заменить алкотестер.

– Я работала.

Я потянулась взять Зака. Джорджия держала его на расстоянии вытянутой руки.

– Почему от тебя воняет алкоголем?

Потому что, скорее всего, я еще держусь только благодаря бурбону.

– Писательский ступор. Нужно было что-то, чтобы разгрузить мозг.

– Ты можешь вести машину?

– Нет. – Я кивнула через плечо на соучастницу моего преступления.

Джорджия встала на цыпочки, посмотрев через балкон. Внизу зад Ники торчал из ее «Аккорда» – она устанавливала детские автокресла на заднее сиденье.

– Мне казалось, ты говорила, что Стивен уволил ее.

– Уволил. – Я почесала все еще потную шею, с трудом глядя в глаза Джорджии. – Она пришла, чтобы забрать кое-какие вещи, и все закончилось тем, что мы... – *испортили мои скатерти, разделили мое имущество и запахнули мертвеца в ее багажник*, – кое-что придумали.

Словно почувствовав, что о ней говорят, Ника возникла за моим плечом.

– Я перееду к Финли, чтобы присмотреть за детьми, в обмен на пищу и кров, – сказала она, потянувшись, чтобы забрать Зака.

Ага, и на сорок процентов моей души.

Когда Джорджия передала Зака Нике на руки и та понесла его к машине, тело Джорджии обмякло, будто с нее сняли тяжелый груз. Она потеряла плечо и кивнула на диван. Делия спала под одеялом, свернувшись калачиком, ее тонкие светлые волосы наэлектризовались и образовали ореол вокруг серебряной короны из скотча, а брови нахмурились.

Звук телевизора был приглушен, бледный свет от экрана мерцал на нежных щеках Делии. Я была рада, что она спит и не слышит, как ведущий пересказывает подробности трех жутких убийств, произошедших всего в нескольких милях отсюда. Я взглянула на заголовок: *Человек, подозреваемый в связях с мафией, оправдан по всем пунктам*.

Я показала на экран.

– Прости, что ты пропустила встречу с парнями из ОПН.

Джорджия издала протяжный вздох, глядя, как на экране двое мужчин спускаются по ступенькам здания суда и исчезают в элегантном черном лимузине.

– Такие встречи будут еще не раз и не два. Русская мафия может убить хоть полгорода и все равно найдет, кого подкупить. Этот мудака ни дня не проведет за решеткой, пока Жиров рядом, чтобы внести за него залог.

Я несколько недель не смотрела новости и потому не знала, о чем речь, но сочувственно кивнула Джорджии и закинула сумку на одно плечо, а Делию – на другое.

– Спасибо, что приглядела за ними, – прошептала я и зашагала к двери, чувствуя на себе пыливый взгляд Джорджии. Этот день, адреналин и похмелье настигали меня, наступая на пятки.

– Финн.

Мое имя прозвучало как тихий приказ. Я медленно обернулась, в ужасе, что меня что-то выдало.

– Я беспокоилась за тебя, – сказала Джорджия. Протянув мне шапку Делии, она потерла грудь, морщась, будто ощущала внутри некий дискомфорт.

Она смотрела на свои ноги, на мою сумку, на что угодно, только не на меня, когда добавила:

– Я рада, что ты не одна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.